

НОВОСЕЛЫЕ

9-10

НЬЮ-Йорк

1 9 4 3

NOVOSSELYE

A RUSSIAN LITERARY MONTHLY

Editor S. PREGEL

Editorial and Administrative Offices:

2 EAST 86 STREET,

NEW YORK CITY

Telephone: RHineland 4-1800

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции	3
М. Киннан Роулингс. По течению	5
Э. Ли Мастерс. Дети света	23
Д. Кэнфильд Фишер. Нам, живым	24
Г. Л. Менкен. Дни гигантов	29
Р. Мэкенни. Финансовые гении	35
Эптон Синклер. Корень всех зол	41
А. Креймборг. Советскому Союзу	45
А. Комптон. Ученые и война	47
Чарльз А. Бэрд. Возникновение демократической идеи	49
Роквель Кент. Искусство и война	57
Л. Стоковский. Американская музыка	60
Г. А. Оверстрит. Американская демократия	64
Ральф Г. Габриэль. Происхождение американской промышленной цивилизации	76
Розвелл Г. Хэм. Знаменательная дата в американск. образовании	81
Элен Клэйпсеттл. Американский парадокс	85
Ч. Г. Грэй. Прогрессивное движение в американском воспитании	92
Американо-Русская Культурная Ассоциация	96
Сотрудники настоящего номера	99

Обложка работы художницы А. Прегель

Со всеми типографскими заказами обращаться:

Rausen 417 Lafayette Str. N. Y. C. Phone: GR. 7-6612

Residence: AU. 3-0310

НОВОСЕЛЬЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

№ 9-10

ЯНВАРЬ 1943

ОТ РЕДАКЦИИ

«Новоселье» посвящает настоящий номер обзору американской жизни и культуры. Материал для этого обзора был собран «Американо-Русской Культурной Ассоциацией» (АРКА) и предлагаемый выпуск журнала составлен в сотрудничестве с нею.

«Американо-Русская Культурная Ассоциация», недавно основанная в Нью Йорке, ставит своей целью взаимное понимание и культурный обмен между народами России и Америки. Работая в этом направлении, она предприняла ряд шагов, вытекавших из предложения редакции «Новоселья» предложить отдельный выпуск журнала для ознакомления русского читателя с современной Америкой. Совет директоров АРКИ горячо откликнулся на это предложение и снесся с рядом видных представителей различных областей американской культуры, подчеркнув в своем обращении к ним необходимость и своевременность предпринятого дела. Несмотря на ограниченное время и многочисленные литературные обязательства большинства авторов, отклик превзошел все ожидания. «Новоселье» взяло на себя перевод полученных статей, очерков и рассказов, и их издание в двойном номере журнала; предлагаемые страницы являются, таким образом, результатом подлинного сотрудничества редакции, АРКА и авторов настоящего номера.

Редакция «Новоселья» и Совет директоров АРКА считает своим долгом сердечно поблагодарить всех участников американского выпуска, значение которого, конечно, ясно нашим читателям. В первый раз журнал на русском языке предлагает вниманию наших соотечественников обширный материал об американской жизни, искусстве и науке, целиком составленный выдающимися американскими писателями. Мы надеемся, что это начинание послужит делу более правильного и вдумчивого понимания Америки русскими людьми в Соединенных Штатах и за их пределами.

NOVOSSELYE dedicates this number to an American cultural symposium compiled by the AMERICAN RUSSIAN CULTURAL ASSOCIATION, in collaboration with whom this special issue is presented.

American Russian Cultural Association, Inc., recently formed in New York has as its primary aim a mutual understanding and cultural exchange between the peoples of Russia and America. A major step in this direction was undertaken in acting upon the proposal of Novosselye, who offered a special double issue as a medium for presenting to Russian readers of today the true scope of American culture. The Board of Directors of ARCA, heartily welcoming this proposal, approached individually a great many authoritative Americans foremost in the various cultural fields, voicing the conviction that such a symposium would be a most appropriate and timely gesture. In spite of the limited time and the pressure of current obligations the response was very gratifying. NOVOSSELYE undertook the translation and publication of the material thus assembled, and now joins with ARCA and the contributors in presenting in the following pages a truly cooperative achievement.

The editors of NOVOSSELYE and the Directors of ARCA consider it their pleasant duty to thank all contributors to this issue, and hope that the readers will truly evaluate its significance. For the first time a magazine published in the Russian language is bringing to the attention of Russian readers a representative compilation of material on American cultural life from the pens of leading Americans, and we trust that this will help to bring about enlightened understanding of America by Russians in the United States and abroad.

ПО ТЕЧЕНИЮ

Мне пришлось как то переживать трудное время, тяжесть которого казалось была не под силу одному человеку.

Я любила нашу реку, наш сад, нашу убогую ферму. Но внезапно они потеряли всякую привлекательность. Со своей подругой Дэсс я разговаривала неохотно. Вряд ли она понимала мои терзания: простая, прямолинейная, она была прекрасно приспособлена к жизни. Она могла только видеть, что я несчастна.

Она предложила:

— Давай поедем путешествовать, как мы давно собирались. Возьмем твою 18-футовую лодку, захватим два мотора, и спустимся вниз по реке Сэнт Джонс. Это несколько сот миль.

Остаться дома было мучением. Я согласилась.

Мужчины запротестовали:

— Женщины одни? Да ведь эта река течет по самым глухим дебрям Флориды. Вы запутаетесь в проливах. Никто не плавает дальше устья.

И затем с увлечением, выдавая свои тайные мысли:

— Это будет великолепно!.. А что если вы заблудитесь? Не давайте никому сбить себя с пути.

Река лежала голубым пятном на болотах. Болота желтели. Они тянулись на все четыре стороны, плоские, бесконечные, бессмысленные.

Я подумала: «Это безумие, добровольное погружение в бред».

Но жизнь и была бредом. Реку, по крайней мере, я выбирала добровольно.

Река Сэнт Джонс течет с юга на север и впадает в Атлантический океан на границе штатов Флорида и Джорджия. В

Н о в о с е л ь е

широком устьи бывают приливы и отливы, и океанские пароходы подымаются вверх по течению до Джэксонвилля. К югу от Мельбурна, у восточного побережья Флориды, она разбивается на цепь отдельных озер. Озера соединены между собой узкими болотистыми протоками, на которых, когда вода стоит высоко, можно уловить робкое течение молодой реки. Два года засухи пересушили болота и реку. Обнажившиеся берега поросли у воды болотной травой, протоки были забиты водяными гиацинтами. Судоходная часть реки Сэнт Джонс начинается около Рождественского Форта, где между Орlando и Индейской рекой на долгие мили тянутся болотистые равнины, поросшие кипарисами.

Здесь есть небольшой затон, с мостком, перекинутым через излучину реки. Мы под'ехали на автомобиле к самому берегу и выгрузили лодку. От черного илистого берега пахло гниением. Мы разгружали свои вещи, проваливаясь в болотистую почву. Все было готово, мы заняли свои места в лодке и медленно выехали на середину затона.

Мимо нас начали двигаться пловучие гиацинты, с легким беспокойством покачиваясь среди своих высоких листьев. Река была теперь просто тропинкой через луг, заросший высокой травой.

Мы проехали под мостом, и мальчик, сидевший в нашем автомобиле, поднял в знак прощания руку и выстрелил.

Казалось, кто то живой цеплялся за дно нашей лодки. Гиацинты двигались все быстрее. Река расширилась на несколько ярдов и внезапно круто повернула.

Дэсс пустила мотор. Я уселась на средней скамейке и разложила на коленях компас и огромную подробную карту Геодезического Общества. Я обратила внимание на пометку: «Местоположение маяков, баканов и буюв исправлено в соответствии с поступившими ко времени выпуска данной карты сведениями». Но на сотни миль нам не предвиделось вообще никаких маяков, баканов или буюв.

Мост и дорога скрылись уже из виду, и в мире не остава-

лось больше ничего кроме этого неправдоподобного болота и невероятного, громадного неба.

В полумиле от моста на берегу, у самой воды лежала рыбацкая хижина. Мы причалили и спросили о Медвежьем Острове.

Рыбак сказал:

— Вы никогда не доберетесь до Медвежьего Острова. Там, где на вашей карте указан пролив, теперь все полно плавающими гиацинтами. Спустившись немного вниз по реке вы увидите старое шелковичное дерево посреди болота. Это вам примета. Там надо повернуть влево. Следующая примета будет гораздо дальше: вы увидите высокие заросли камыша, и повернете опять налево.

Женщина вмешалась:

— Главное, не теряйте протока, а там уж видно будет.

Мужчина сказал:

— Я за всю жизнь не был так далеко. Но мне говорили, что если выберешься из Путаного Озера, то дальше идет уже открытая река.

Женщина прибавила:

— Вы, видно, хотите хорошо провести время.

Мы отчалили.

Рыбак крикнул вдогонку:

— Я был бы очень рад получить от вас открытку, когда вы доберетесь до конца. Я тогда перестану о вас беспокоиться.

Мотор заработал. Рыбак и его жена помахали нам на прощанье. Десс начала громко и фальшиво насвистывать. Она замечательная молодая женщина. Она родилась и выросла в глуши Флориды. Ружья, костры, удочки, — все это у нее в крови. В городе она живет легкомысленной жизнью. Но при малейшем предлоге она прощается с цивилизацией, вылезает из нее, как из грязной рубашки. Она моложе меня на десять лет, что не мешает ей с большой нежностью и снисхождением к моей непригодности называть меня **«Маленькой»**.

— Маленькая, — обратилась она ко мне, — путешествие, это замечательная штука.

Я начала привыкать к болоту. С изумлением я заметила, что кроме болота здесь ничего больше не существовало. Совсем далеко, уходя вдаль, с востока на запад тянулась темная, неясная линия зарослей, которыми оно где то кончалось.

Мы видимо выбрали не тот пролив, потому что не встретили никакого шелковичного дерева, хотя проехали больше мили. Ничего не было видно, кроме болотных трав, золотистых и ломких, местами, где было мельче, усеянных ярко желтыми цветами вроде рябинки. Встав во весь рост на лодке я могла увидеть остальной мир. Этот мир был — желтое болото с безжалостной голубой бесконечностью над ним. Мы были затеряны где то на самом дне.

Часам к пяти вечера мы добрались до места, где река внезапно расширялась, образуя тянувшееся мили на две озеро.

Перед нами лежало широкое пространство открытой воды. Мы выбрались на середину и оглянулись. Проллив, по которому мы приехали, замкнулся. Мы очутились в лабиринте, в центре которого была открытая вода. Отсюда во все стороны уходили сотни проливов. Некоторые явно выглядели мелкими, по ним не стоило и пытаться плыть, другие были не уже пролива, по которому мы приехали. Один за другим, мы испробовали четыре из них. Все они оканчивались тупиками. Каждый раз мы возвращались к своему исходному месту — небольшому заросшему травой островку, похожему на плавающий в воде огромный мокассин.

Десс сказала:

— Не очень то нам помогают карта и компас.

Это была моя вина. Я абсолютно неспособна ориентироваться по карте. Позднее, но уже слишком поздно, чтобы утешиться, я открыла, что дело было не только в моей глупости, потому что в результате продолжительной засухи чуть-ли

не половина помеченных на карте проливов пересохла и больше не существовала.

Солнце становилось раскаленным красным диском, медленно погружающимся в трясину. Голубые цапли пролетали над нами, спускаясь на ночлег.

Где то должен был кончиться этот лабиринт. Еще раз мы вернулись к плавающему мокассину. Островок возвышался над водой фута на два. Черный ил выглядел довольно сухим. Мы решили переночевать здесь.

Хвороста на острове, конечно, не было. Мы захватили с собой немного хорошей сосновой растопки, но я почему то решила, что нам лучше беречь ее. Я приготовила холодный ужин, в то время как Дэсс занялась раскладыванием палаток, которые она поставила рядышком на открытом месте.

На западе солнце соскользнуло в болото, и полная луна вылезла из него на востоке. Болото стало серебряным, а вода стальной. В черных камышах плескались дикие утки.

На нас напали комары, и скоро мы совсем выбились из сил, сражаясь с ними. Мы натянули москитную сетку на воткнутые крест накрест в землю весла, так как на острове не было ни куста, ни дерева, к которым можно было бы прикрепить ее.

Не раздеваясь, мы заползли под одеяла. Три человека помогали нам грузить наши вещи, но никто не позаботился посмотреть, взяты ли колышки для палаток. Мы их не нашли. Полотнища палаток свисали, вместо того, чтоб быть хорошенько натянутыми. С одного конца торчали наши ноги, с другого головы. Мы лежали, как трупы на неподходящих носилках. Перекрещенные весла медленно погрязали в ил, москитная стенка свалилась и полчища комаров торжествующе опять запели над нами.

Дэсс достала свое небольшое ружье, воткнула его в землю между нашими палатками и прикрепила к нему сетку.

—Нет ничего удобнее 22-миллиметрового ружья, — сказала она мне серьезно. — Оно годится для всего.

Измученная усталостью, я лежала на спине. Но отдыха не было. Мне никогда не приходилось лежать на таком голом месте, так непосредственно подставленном под самое небо. Луна поднялась высоко над нами, и от ее яркого света не было возможности заснуть. К утру капельки росы собрались на сетке. Они блестели словно выкристаллизовавшийся лунный свет. Уснула я под сверкающей алмазами занавесью и проснулась только от падавших прямо мне на лицо горячих солнечных лучей. Журавли и цапли бродили недалеко от меня по берегу. Дэсс уже была в лодке, в нескольких стах ярдах от острова, с удочкой в руках.

Залитая солнцем, вода искрилась. Тропический мартовский воздух был свеж и омыт ветром. Я внезапно оживилась. Разведя огонь я поджарила ветчину и приготовила гренки и кофе. Их запах донесся до неутомимой Дэсс. Я видела, как она подняла голову и начала сматывать удочку.

— Маленькая, знаешь, где пролив? — закричала она.

Я указала на северо-восток, и она живо закивала. Мы одновременно сделали открытие, что плавающие гиацинты несло в этом направлении немного быстрее, чем в других. С этого момента мы уже больше не сбивались с пути. Как только нам случалось быть в нерешительности, мы выключали мотор и начинали следить за пловучими гиацинтами, пока не выясняли, куда их несет. Мы словно клали руку на бьющееся сердце реки, все явственнее чувствуя его пульсацию. Это было очень просто. И как все простое, это надо было открыть самим.

В одно мгновение мы вдруг стали чувствовать реку, словно живое существо, угадывать ее капризы. Этим утром мы позволили течению нести себя. Нас охватило веселье, и всякий страх исчез. Взятый нами пролив оказался правильным, как мы и предполагали. Река начала обозначаться все явственнее. По обеим сторонам тянулись низкие желтые берега, своей определенностью вызывавшие чувство безопасности. Странное впечатление от плывущей воды исчезло: кроме нее, в мире не существовало ничего другого.

К полудню начала то там, то здесь показываться твердая земля, и затем снова исчезла. Целую милю мы находились в обществе покато́го холма, на вершине которого виднелись следы разрушенного обиталища: развалившийся забор, апельсиновое дерево.

Мы проехали мимо тянувшего свой невод одинокого рыбака. Он стоял как журавль, крепко расставив свои ноги в воде. Его длинные руки дергали серую сеть, с мерностью человека, машущего косой. Мы сообщили ему, куда мы плывем. Мы были теперь частью реки, и он предложил нам рыбу. Улов его был скудный, и мы отказались.

Дальше нам повстречалось стадо одичавшего на болоте скота. Коровы с изумлением смотрели куда то поверх нас Черные, коричневые, красноватые и белые, они живо выделялись на фоне голубого неба.

Река разбилась на множество мелких озер, усеянных небольшими островками, на которых росли одинокие пальмы. Приятно было опять увидеть деревья после стольких миль голубого болота.

Озера опять сливались в реку, текущую между ясно обозначенных берегов. Иногда низкий сухой берег тянулся далеко, покрытый низкорослыми зарослями мыльного дерева.

Мы знали, что где то перед нами лежит Путаное озеро, а за ним озеро Гарней. Из узкого пролива мы опять выбрались на открытую воду. Дэсс и я насторожились. Дэсс выключила мотор.

Далеко впереди за болотом перекатывались длинные белые волны, словно всех овец мира гнали через доисторические облака пыли. Мне пришла в голову сумасшедшая мысль, что мы поплыли не по той реке, и неожиданно добрались до океана. Но что то во всем этом было знакомо. Линия вдали, это был песчаный берег, тянувшийся через болото между рекой Сэнт Джонс и городом Миммс. Недели две назад я приезжала сюда по узкоколейке. С высоты этой недостроенной дамбы болото выглядело еще неприглядней. Я вспомнила, что дамба

кончалась у пристани, от которой отходил паром через реку. Замеченные нами сейчас волны были ничем иным, как облаками легкого белого песка, поднятого над дамбой сильным ветром.

Я водила пальцем по карте. Никакого парома не было обозначено на берегах Путаного Озера. Зато на озере Гарней паром имелся.

Я сказала:

— Дэсс, мы переплыли через Путаное Озеро, сами того не заметив. Мы находимся теперь в озере Гарней.

Она не усумнилась в моих словах и опять пустила мотор в ход.

— Хорошо, Маленькая. Куда теперь?

Свернув карту с компасом, я указала направление. Дэсс повела лодку, стараясь не сбиться. В одном месте было так мелко, что нам пришлось отталкиваться от дна веслами. Пространства открытой воды и болотистых зарослей чередовались. Я решила, что причиной этому засуха, превратившая озеро Гарней в полувысохшее болото. На мои слова Дэсс недоверчиво свистнула, но ничего не сказала.

Наконец, мы выбрались опять на более глубокое место и приблизились к парому, который я так хорошо помнила.

Старый паромщик взглянул на нас из под полей своей шляпы и прикрывая рукой глаза от солнца, спустился к нам навстречу. Мы ему видимо показались довольно странными. Откуда мы взялись?

— Мы выехали вчера из Рождественского Форта, — сообщила я ему. — Могу похвастаться, что мы только что переплыли озеро Гарней.

Он серьезно посмотрел на нас.

— Вы еще и не добрались до озера Гарней, — сказал он. — Это еще только Путаное Озеро.

Здесь паром был попросту вообще не занесен на карту. Эпизод этот можно было истолковывать как угодно. Я с удовлетворением почувствовала, что произошедшее только

доказывает наше понимание реки, столь полное, что даже не зная, где мы в сущности находились, мы все таки не заблудились. Другому, более доверчивому и простому человеку это могло показаться доказательством того, что дураков Бог любит. Как бы то ни было, все рыбаки, встреченные нами за время путешествия единодушно изумлялись, что мы благополучно выбрались из Путаного Озера.

— Я провела лодку через Путаное Озеро, со скромным достоинством говорила я им. — И только благодаря точному следованию карте и компасу.

Иногда Дэсс безжалостно добавляла:

— И глубокой уверенности, что она плывет по озеру Гарней.

Настоящее озеро Гарней тянулось мили на четыре. Широкие пространства открытой воды красноречиво говорили сами за себя, и ошибиться было невозможно. Мы пересекли его перед вечером. На наши щеки ложились косые лучи заходящего солнца, приятный мартовский ветерок рябил голубую воду.

Выезжая уже из озера, мы купили у встреченного рыбака свежей, только что попавшей в невод рыбы..

Течение становилось сильнее. Гиацинты неслись вперед.

Как только озеро осталось позади нас, характер реки резко изменился. Она стала быстрой и глубокой, с прозрачной кофейного цвета водой. Она созрела. Забыто было все ее молодое смятение и блуждания по желтым болотам. Изменились и берега. Теперь они стали высокими. Пальмы переросли крупные дубы, в тени которых ютились мелкие деревья.

Перед заходом солнца мы направились к берегу, инстинктивно выбрав одно из тех местечек, которые путешественник внезапно чувствует подходящими для ночлега.

Если бы мне предложили выбрать какое нибудь время и место, чтобы увековечить их, я вероятно выбрала бы именно эту ночь на высоком пустынном берегу реки Сэнт Джонс.

Мы обнаружили здесь заброшенную хижину, из потем-

невшего от времени и ветров гладкого, серого кипарисного дерева. Оконных рам, равно как и дверей не было. Но хорошо проконопаченная мхом крыша не протекала.

Дэсс развела костер из красного кедра. Она села на ступеньках крылечка и занялась выстругиваньем колышков для наших палаток. Я жарила на углях рыбу, напекла картошки и даже приготовила к ним соус.

Поперек хижины Дэсс прибила доску, к которой мы прикрепили сетку от комаров.

Дэсс сказала:

— Маленькая, Христофор Колумб был ничтожеством по сравнению с нами. Вокруг него был целый океан, а впереди лежал как его там... ну, континент. Пустить бы этого юношу в болота Сэнт Джонса, и он заблудился бы здесь как шенок.

В этот вечер мы смогли помыться горячей водой, нагретой в лохани и долго сидели в пижамах на крылечке перед потухающим костром.

Внезапно мягкая ночь засеребрилась. Встала луна. Лежа на своих постелях, мы не могли заснуть от всей окружающей нас красоты. В окна и двери вливался лунный свет, на котором тихо покачивались тени растущего на деревьях испанского мха. Хижина была окружена одичавшей рощей, и до нас доносился сладкий запах цветущих апельсиновых деревьев.

На заре запела какая то птица. При дневном свете мы различили, что вокруг хижины росли деревья гуавы, а дворик зарос барвинками.

Дэсс застрелила дикую утку, и я приготовила ее нам на завтрак. Все утро мы провалялись на солнце на берегу, лениво глядя на плескавшихся в реке головлей. Около полудня мы неохотно направились к лодке. Она была наполовину затоплена водой и с готовностью продолжала опускаться на дно.

В первый момент я подумала с радостью, что нам не надо теперь будет немедленно покинуть это чудное место. Но Дэсс уже раздевалась. Я последовала ее примеру. Мы иссле-

довали лодку и обнаружили две течи, через которые хлестала вода.

Умудрившись вытащить лодку на берег, мы перевернули ее. В двух рядах шпаклевка вывалилась. Дэсс пожертвовала рубашку, и в течение двух часов мы с помощью перочинных ножей забивали предательские щели полосками материи. Когда мы затем опять спустили лодку, она прекрасно держала воду.

Я предложила провести здесь еще одну ночь, но Дэсс горела нетерпением.

Остаток дня мы плыли вперед. Береговая линия сузилась в полоски песка, на которых росли покривившиеся от ветра пальмы. В тишине вечера стеклянной гладью лежала прозрачно коричневая река. По обоим берегам в воде отражались пальмы, и когда над ним пролетали белые ибисы, можно было подумать, что находишься в Египте, на берегах Нила.

Эту ночь мы провели со сравнительным удобством, приютившись в корнях вывороченного громадного дерева. С реки это местечко выглядело не слишком гостеприимным, но забравшись туда, мы увидели, что устроиться там можно очень уютно.

Из под моих ног выскользнула змея -- и мирно поползла по своим делам. Дэсс нарубила молодых побегов пальмы, так что к ужину у нас была зелень. Кроме того я поджарила ветчины и наварила к ней кукурузы. Костра мы не разводили, и ужин я готовила на керосинке.

Утром мы внимательно наблюдали, куда несет пловучие гиацинты. Нам надо было найти дорогу к Степному Причалу и не попасть по ошибке в озеро Джессуп.

В одном месте по самому берегу проходила дорога. Ехавшие по ней махали нам приветливо руками. Худая, выжженная солнцем и покрытая лохмотьями женщина на плоту возилась с удочкой.

При нашем приветствии она подняла свою взлохмоченную голову и ответила:

— Гей!

И снова наклонилась над удочкой, совершенно поглощенная своим делом.

Мы пересекли южную часть озера Монро и очутились в крошечном городке Станфорд. Было воскресенье.

Мы добрались уже до места, откуда начинается пароходное движение. Навстречу нам шел грузовой пароход, и мы закачались на его волнах.

В этот день мы собирались помыться и одеть все чистое. Но в болотах негде было пристать к берегу. Дэсс ограничилась тем, что опоясалась кожаным поясом, к которому подвесила охотничий нож с одного боку и револьвер с другого. В таком виде она чувствовала себя вполне готовой сойти на берег в Станфорде.

Мы ловко причалили к пристани, рядом с белоснежной яхтой. Ее щегольской владелец подошел к борту и посмотрел на нас вниз.

Лодка наша выглядела не на много привлекательнее нас самих. На носу были навалены кучей все наши пожитки, свернутые палатки, запасной мотор и жестянки из под бензина. Дэсс стояла на корме, подтягивая пояс.

Она окликнула владельца яхты:

— Можно тут высадиться?

— Это зависит то того, с какими намерениями вы приходите, улыбнулся он.

— Только за бензином. Где тут по близости можно раздобыть его?

— Сегодня утром все закрыто. Но я как раз только что пополнил свой запас бензина, и гараж, где я брал его, еще не закрыли. Сколько вам надо?

Дэсс смерила глазом наши жестянки.

— Галонов пять хватит наверно.

Он опять улыбнулся.

— Я сейчас пошлю в гараж свой автомобиль. Если вы по-

дымете сюда ваши бидоны, я с удовольствием пошлю своего человека с вами, чтоб он доставил вас туда и обратно.

— Спасибо, приятель, сказала Дэсс. — Вот это настоящая услуга.

Внутри яхты раздался шум и затем на палубе появилась женщина в бросающемся в глаза розовом спортивном костюме. Прислуга с величайшей предупредительностью помогла ей спуститься к сходням.

Полуобернувшись, женщина бросила через плечо:

— Мне сейчас же нужен автомобиль. Я не могу опаздывать в церковь из за таких глупостей.

Наш новый знакомый внезапно покраснел и перегнувшись через перила шепнул:

— Автомобиль вернется обратно через несколько минут. Не можете ли вы подождать? Пожалуйста!

— Ладно, приятель, — сказала Дэсс.

Розовый живописный костюм скрылся в лимузине. Через несколько минут автомобиль действительно уже вернулся. Нас честь честью доставили в гараж и обратно. Бидоны наши были наполнены.

По дороге мы успели купить воскресный номер нью йоркской газеты. Матрос с яхты снес наши бидоны в лодку и помог перелить бензин.

Дэсс в кратких чертах рассказала владельцу яхты **наше** путешествие.

Все было готово. Дэсс пустила мотор в ход и мы отчалили.

— Всего хорошего, — закричал нам вслед владелец яхты. — Всего самого лучшего!

Он долго махал нам на прощанье, словно не желая порвать завязавшейся таинственной нити. Лицо его было задумчиво.

— Дурак несчастный, с презрением и сочувствием сказала Дэсс. — Держу пари, что он охотно дал бы свою шелковую рубашку, только бы поехать с нами вниз по реке, вместо того, чтоб сидеть пришитым к «Розовой Юбке».

О газетах мы и не вспомнили.

Выбравшись из озера Монро мы стали спускаться вниз по реке. Каждые несколько миль нам попадались рыбаки с неводами. От времени до времени мы замечали разбитые на берегу палатки. Мы проехали мимо навеса из пальмовых листьев, из под которого на нас выглянула поразительно красивая девушка с кротким лицом. Мы обогнали старого рыбака и маленькую девочку в лодке. Девочка усердно гребла.

Посреди реки шел пароход груженный лесом. «Правила Навигации», покоившиеся у меня на коленях ясно говорили, что в положении, в котором находилась наша лодка, нам полагалось повернуть на штирборт и дать два коротких резких свистка. Веселый хрип моего собачьего свистка не произвел никакого впечатления на пароходе. Только повар, чистивший на палубе картошку, помахал нам рукой, когда мы проходили совсем близко.

Мы плыли теперь по настоящей реке. В самом деле, речная жизнь была замечательной, и торопиться было совершенно незачем.

Мы выбрали золотисто-коричневый прозрачный ручей и все послеобедя удили там рыбу. В нескольких ярдах от нас белая цапля тоже занималась рыбной ловлей. По соседству на берегу водяные курочки старательно отряхали свои крылья. Водяная змея проплыла мимо нас и спряталась в водяных лилиях. Росший на берегу куст болотного лавра был в полном цвету, и над ручьем стояло благоухание. Раздевшись на белой песчаной отмели, мы выкупались в прозрачной янтарной воде.

Эту ночь мы провели на высоком утесе, заросшем соснами. Здесь было очень чисто и сухо. Надвигалась гроза, и мы натянули брезент, чтоб укрыться под ним в случае чего. Мы находились на восточном берегу. Луна и солнце встали позади нас. Проснувшись утром мы увидели вырытые вокруг нас норки маленьких зверьков.

Следующий день мы плыли все время на моторе. Река была глубокая и узкая. Берега тянулись все еще болотистые, покрытые низкой растительностью. Пристать было негде. Мы удовольствовались холодным завтраком.

За Деландом мы пристали к стоявшей у берега на якоре барже, в которой жили люди. Хозяин ее был когда то капитаном на линии Клаид Ривер. Он благосклонно согласился рассказать нам, как лучше пересечь озеро Джордж. Он отнесся к нам, как старый морской волк к юнгам.

Он отнес мой компас далеко на нос баржи, подальше от металлических балок, чтобы определить с наибольшей точностью направление, которому мы должны были следовать через озеро, тянувшееся на целых 14 миль. Я решила мысленно, что может было бы лучше не держать керосинки под лавочкой на которой я сижу. Может быть ее металлические части тоже влияют на компас.

Хозяин баржи надавал нам всевозможных карт и указал несколько самых лучших маршрутов. Больше всего нас соблазнял главный пролив, по которому шли пароходы. В нашей маленькой лодочке мы должны были чуть ли не целый час плыть не видя берегов. Западный пролив был уже, и там берег никогда не терялся из вида. Но если подымется ветер, то нам лучше вообще отложить плаванье. Прощаясь, он вежливо раскланялся с нами.

Мы решили остановиться на эту ночь как можно ближе к плотине Волюзия. Лучше всего было переплыть озеро Джордж рано утром, до того как поднимется ветер.

За селеньем Астор вдоль берега лежали наваленные кучи хвороста. У воды росли болотные кипарисы. Мы направились к группе хижин, расположенных при впадении реки в озеро. Водяные гиацинты плыли зелеными полями. Хижины выглядели негостеприимно.

Только около одной из них было достаточно пространства, на котором можно было разбить палатки. Отталкиваясь веслами, мы пробились через поле гиацинтов и выйдя на берег,

Новоселье

окликнули обитателей хижины. Женщина с сердитым лицом вышла на порог. Через открытую дверь мы могли видеть внутреннее убранство хижины. На полу лежали циновки, стоял стол, один или два стула. Грязный ребенок выглядывал из за юбок женщины. Ясно было, что мы здесь лишние. Но это была семья запуганных поселенцев, и они не смели отказать нам. Мы с Дэсс тихо переговаривались. Даже эта женщина и это место казались мне привлекательнее чем перспектива возвращения в темное болото, откуда мы только что пришли. Но с запада поднимался ветер. Уже теперь к берегу прибило множество водяных гиацинтов.

Дэсс сказала:

— Лучше провести ночь в компании водяных змей, чем быть забитой здесь гиацинтами.

Мы повернулись, чтобы направиться обратно к реке. В ту же минуту ребенок подбежал к двери и радостно захлопал в ладоши. Не в силах сдерживать своего удовольствия он громко запел:

— Они уходят! Они уходят!

Я задумалась, что могла причинить жизнь этой женщине и ее ребенку, что среди всех дружелюбных, приветливых рыбаков они оказались единственными, отнесшимися к пришельцам с таким страхом и враждебностью.

Солнце спряталось за кучами валежника. Болото и река погрузились в темноту. В долго державшихся сумерках мы проплыли несколько миль. Наконец мы добрались до места, где было возможно высадиться. Там было сухо.

Мы были заняты раскладыванием палаток, когда нас окликнули рыбаки. Это мы те женщины, что с неделю назад выехали из Рождественского Форта? Им надо это знать. Вниз по реке рыбаки дали знать, чтоб нам помогали и следили, чтоб с нами ничего не случилось.

Их палатки были разбиты на противоположном берегу. Они вырубили себе удобное сухое место в кустах. Огни их костра приветливо светились всю ночь.

Главный пролив шел прямо на северо-запад. Но с рассветом упал туман. А когда туман рассеялся, поднялся свежий западный ветер. Лодки вдвое больше нашей предпочитали не выходить в озеро, знаменитое своими шквалами. Было никому ненужным героизмом лишиться себя вида твердой земли. Мы не хотели удаляться от надежного берега и решили поэтому выбрать западный пролив.

Баканы, указывавшие вход в пролив, остались позади. Первый сильный порыв ветра налетел на нас. В течение получаса собравшаяся мгла почти скрыла из виду очертания берега. Затем опять выступил впереди Остров Дрэйтон.

На полпути ветер сдувал уже гребни с волн, но он дул с кормы и не представлял никакой опасности. Вцепившись обеими руками в ручку мотора Дэсс твердо вела лодку, тяжело вздымавшуюся по волнам и мгновеньями повисавшую обнажившейся кормой в воздухе. Винт выскочил из воды и громко затарахтел. Когда он опять ушел в воду, лодка дернулась и повернула.

Я закричала:

— Лодка крутится!

Дэсс ответила:

— Ты сама бы крутилась под таким ветер, Маленькая!

Отдаленный берег казалось не приближался. Мы миновали северный мыс острова Дрэйтон, где главный пролив соединяется с западным. За нами кипело озеро.

У первого же причала мы остановились передохнуть. Старый негр дал нам напиток свежей воды. Переплыть озеро взяло у нас около двух с половиной часов.

Река снова потекла широко и спокойно, как будто бы за ней не лежало никаких волнений. Полная зрелого достоинства, она не торопилась как можно скорее достичь моря.

В Велаке мы расстались с полями гиацинтов и повернули на реку Оклавагу, ведущую к нашему дому. Я думала растерянно, что никогда больше не смогу жить опять на земле. Опять я стояла в испуге перед жизнью.

Н о в о с е л ь е

Но когда мы вылезли на берег и мир перестал быть водной стихией, я внезапно вспомнила забытую прелесть всех вещей, которые не имеют ничего общего с людьми. Красота вкрадчива и проникает, как аромат. Она больше чем сосуд, вмещающий ее.

Потому что я узнала реку, земля запела под моими ногами. Я вернулась домой. Сладко было опять увидеть цветущие олеандры. Наши скудные поля, заросшие сорной травой, стали по новому дороги мне. На мгновение я поняла, что единственный бред, это тот, что создается человеческим умом.

Перевод **К. Кротковой.**

From "Cross Creek" by Marjory Kinnan Rawlings, copyright by Charles Scribners Sons.

ЭДГАР ЛИ МАСТЕРС.

ДЕТИ СВЕТА

Сильнее крови — писанное слово,
Чужим народам музыка ясна.
Нам, ради Достоевского, Толстого
Родней и ближе русская страна.

И весь народ, бойцы у Сталинграда,
И вся земля, и войско под Москвой, —
Они воспринимают Илиаду
Американскую своей душой.

Для тех, кто пали у реки Конкорда,
Победы зов был смертью заглушен,
Но после битвы триумфальный, гордый,
Великий свет принес нам Джеферсон.

Когда зловещие умчались тучи,
Когда войны кровавый шум затих,
Над миром дальним засиял певучей
Звездой яркой Эмерсона стих.

И красотой, и дружбою, и верой
Они, как братья, сочетали нас
Над смертью, над страданиями без меры,
Над полем брани — в искупленья час.

Перевел **М. Железнов.**

ДОРОТИ КЭНФИЛЬД ФИШЕР.

НАМ ЖИВЫМ...

Примечание.

Великий Авраам Линкольн, бывший президентом Соединенных Штатов во время гражданской войны 1861-1865 годов, стал одним из наиболее чтимых героев отечественной истории. Его часто называют «Великим Освободителем», потому что им подписана декларация, давшая неграм свободу. Многие из его речей стали народным достоянием, и в частности это относится к речи, произнесенной им в Геттисбурге, на церемонии освящения поля, на котором произошла одна из величайших битв гражданской войны. Каждая фраза Геттисбургской речи может служить образцом мысли и стиля, и знака каждому американцу: геттисбургскую речь читают и заучивают наизусть во всех американских школах, на нее непрестанно ссылаются в книгах и ее цитируют в речах.

Заглавие импрессионистического очерка Дороти Кэнфильд так же как и последняя его фраза, взяты из геттисбургской речи. Они процитированы не полностью. Обе фразы так знакомы американскому читателю, что он невольно сам дополняет их. Они вызывают образ национального вождя, торжественно призывающего свой народ посвятить себя высоким жизненным задачам не ради собственных интересов, а во имя человеческого достоинства.

Геттисбургская речь Линкольна.

Восемьдесят семь лет назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию, задуманную в духе свободы, в убеждении, что все люди равны.

Сейчас мы ведем великую гражданскую войну, которая должна показать, может ли существовать нация, принявшая такие основы.

Мы сошлись на поле великой битвы. Мы пришли сюда от вести часть этого поля под место последнего отдохновения тех, кто отдал свою жизнь за то, чтобы нация продолжала существовать.

Но говоря в более широком смысле, не нам отдавать, не нам посвящать, не нам освящать эту землю.

Смельчаки, сражавшиеся здесь, часть которых осталась в живых, часть погибла, — так освятили это место, что не в наших слабых силах что либо прибавить или отнять от этого.

Мир мало обратит внимания и скоро забудет то, что говорится сейчас здесь. Но то, что совершили они, никогда не будет забыто.

Нам, живым, более приличествовало бы посвятить себя здесь завершению той великой задачи, которую сражавшиеся за нее так далеко подвинули. Более приличествовало бы нам отдать себя здесь великой задаче, стоящей перед нами: чтоб у наших славных мертвых мы почерпнули новый запас преданности; чтобы мы здесь твердо решили, что смерть их будет не напрасной; чтоб эта нация, с Божьей помощью, снова возродилась для свободы; и чтобы правительство, избранное народом, из народа и для народа никогда не исчезло с лица земли.

Н а м, ж и в ы м.

Июль 1918 года, после битвы в Шато-Тьерри.

...«Нам, живым, более приличествовало бы посвятить себя здесь...».

На краю поля пшеницы, золотеющей под золотым солнцем, я наткнулась вдруг на мертвого американского солдата, лежавшего с лицом, обращенным к лесу де Белло. В окру-

Новоселье

жавшей деревенской тиши он был самым беззвучным, самым неподвижным, затихшим после четырехдневного грохота битвы, ушедшей бушевать дальше, вперед, и громыхающей теперь где то на горизонте.

По сравнению с его неподвижностью, поломанные и потоптанные стебельки пшеницы казались одухотворенными сознательной жизнью. Деревья, искалеченные ураганным огнем, все же трепетали под ветром своими уцелевшими листьями и были явно живы. Придорожные кусты торжествующе шелестели. Раненые, изувеченные, обезображенные, они все-таки выжили. Они были живы. Не выжил только солдат.

Долгий путь проходит каждый человек, пока не найдет свою смерть. Но этот солдат и его товарищи прошли еще более дальний путь, чем кто либо другой.

За ними, как и за всеми, стояли дни, месяцы и годы. Но кроме того они шли бесконечные мили этих чужих пшеничных полей, в чужой стране, приплывши сюда через бесконечный океан, который они увидели впервые. Больше того: они перешагнули через неизмеримые пропасти традиций, предрассудков, старых, закоснелых понятий.

Этот солдат прошел долгий путь и прокладывал новую дорогу.

Этот солдат, повернувшись спиной к своему ограниченному прошлому и пробивающийся к будущему со всей силой и верой молодого мужества, встретил свою внезапную смерть. И вот теперь он лег навсегда в пшеничном поле во Франции.

Здесь лежит он, овеванный благословенной тишиной, совершивший все свое лучшее.

Я же еще оставалась среди живых. Мне нельзя было лечь как он, отдыхать. Я оставила его и вернулась в большой город, не важно в какой — все большие города одинаковы во всем мире.

У дверей одного магазина я остановилась. Я увидела худую, изможденную от работы старуху, с'ежившуюся перед

упитанным толстяком, грубо ругавшим ее за плохо начищенные ручки у дверей.

Довольство богатых пшеничных полей все еще золотело перед моими глазами. А тут я увидела эту забитую женщину, от которой было отнято ее человеческое достоинство, только потому, что она была зависима, потому что ее пугал голод, который она может и не выдержать.

Я встретила рыхлую, затянутую в корсет женщину с размалеванным лицом. Стеклашки болтались в ее ушах, сверкали на ее пышной груди, на пухлых, не знавших работы пальцах. В моих ушах еще стоял рев грохочущей вдалеке битвы, на фоне которого звучали слова:

— Война тянется слишком долго. Люсетта жалуется, что не может достать нужного оттенка шелка для моего корсета. Единственный парикмахер, который умел меня причесывать, ушел на фронт. Уже десять дней, как я не ела конфет.

Я встретила жалкого, обездоленного дрожавшего алкоголика, прогнившего от болезней, обессиленного голодом, разбитого безнадежностью, валявшегося на скамейке, как драный мешок со старыми костями. Только прорывавшаяся иногда в онемевших пальцах судорога показывала, что он жив. Ужасный запах подлинной смерти еще стоял передо мной. Этот человек еще был жив. А тот сильный молодой солдат — мертв.

Я видела толстолицего человека, в ослепительно белой рубашке, и в черном безупречном костюме. Он спокойно двигался вперед, не устаивая поднять на окружающих глаза, уверенный, что все раступятся перед его кольцом с бриллиантом и дорогой булавкой в галстук.

Белыми выхолощенными руками он держал свежий номер газеты, открытый на биржевых известиях, которые он жадно читал. На его пути стояла женщина в полном расцвете своей крепкой молодости. В ее накрашенном рте еще оставалось что-то от юной невинности. Глядя на него голодными глазами, она старалась встретиться с ним взглядом.

Новоселье

Славная смерть солдата все еще владела моей душой. И на фоне ее я видела, как жадность в глазах толстолицего перешла в похоть, как из глаз женщины исчезло тоскливое ожидание, сменившись вызовом отчаянья.

Американский солдат, лежащий на пшеничном поле Франции, неужели ты проделал свой трудный путь только для того, чтобы все это могло продолжаться?

«Пусть мы твердо решим здесь, что смерть их не была напрасной»...

Перевод **К. Кротковой.**

From the Day of Glory by Dorothy Canfield Fisher, copyright by Henry Holt & Co.

ГЕНРИ Л. МЕНКЕН.

ДНИ ГИГАНТОВ

Молодые люди обоего пола меня нередко спрашивают о том, какие виртуозные способности в области служения Вакху проявлял в добрые старые времена американский народ.

Они, конечно, уверены, что никто не пьет так хорошо, как они сами; что искусство питья достигло теперь своего апогея и что «прохибишон» принесло с собой изощрения и тонкости, непревзойденные со дня падения Вавилона.

Но дело обстояло не так.

Американский народ, я в этом твердо убежден, проявил в этой области наивысшие свои способности в конце прошлого столетия. Приблизительно в 1903 году наступил уже упадок, отчасти из за того, что темп жизни, становившейся все более и более механизированной, начал ускоряться; отчасти же из за того, что мы стали внимать предостережениям врачей, поведывавших воздержание.

На среду литераторов это, конечно, не подействовало. Воздержание не прививалось, и в первые дни моей газетной деятельности его нельзя была назвать характерной особенностью журналистов. Между годами 1899 и 1904 на юге С. Штатов был всего навсего один журналист, не притрагивавшийся к крепким напиткам, и его считали ненормальным. В Нью Йорке же, насколько мне известно, не было ни единого.

Я поступил на работу в газету «Хералд» накануне Рождества.

В ночь под Рождество во всем учреждении было только два трезвых человека: редакционный мальчик, адвентист, и дряхлый старик, продававший наборщикам завтраки.

Единственный непьющий наборщик, по кличке «Нравственный Элемент», в тот вечер не работал.

Новоселье

Все остальные, как мы уже сказали, были пьяны вдрызг. Они беспрерывно тянули местный самогон, продававшийся в кабаке, рядом с редакцией, и выделявавшийся, как говорили, там же в погребе самим владельцем.

В вечер, о котором идет речь, большая часть машин не работала; один из наборщиков оттиснул корректуру на своей рубаше; в печатном отделении несколько человек вообще были из строя. Первое издание газеты вышло с большим опозданием.

Но это никого не трогало. Главный наш редактор, полковник Коннингхэм, уединился в своем кабинете с ящиком Бурбонского виски.

Изредка он выбрасывал в редакционную комнату через перегородку несколько сильно смятых листов, — бесконечную передовую, в которой он свирепо «разоблачал» редактора газеты «Америкэн», генерала Ангуса.

Генерал этот был героем гражданской войны. В его брентном теле было столько свинца, что оно, как говорили, дребезжало каждый раз, когда он выходил на прогулку. Но полк. Коннингхэм постоянно насмехался над военным стажем генерала, намекая — и без всякого на то основания — что генерал приехал сюда из своей родной Франции в качестве весьма скромного брадобрея.

Передовая статья, написанная в тот Рождественский вечер, подобающим образом и была озаглавлена: «Севильский Цырюльник».

Она никогда не появилась в печати. Ночной редактор, Исидор Гудман, задержал ее, думая, что статья не закончена еще. Когда полковник через два-три дня справился о своей статье, ему ответили, что набор случайно рассыпался.

Героем типографии в те дни был наборщик, которого звали Билль, считавшийся, по части выпивки пива, чемпионом всего Западного Полушария. Билль был первоклассным наборщиком и никогда не отдавался своему второму призванию в рабочие часы. Но по окончании работы Билль тотчас же мчал-

ся в ближайшую пивную, где он, по собственному выражению, «давал сеансы». Зрелище, конечно, было бесплатным; только угощение шло за счет зрителей.

Однажды вечером, в 1902 году, Билль в моем присутствии выпил подряд 32 бутылки. Возможно, что в этом нет ничего сверхъестественного. Возможно даже, что вы сами, в ваших странствиях, наталкивались на людей, способных выпить такое же количество пива. Но встречался ли вам человек, который все это выпивал **ни разу не отходя от стойки**? А вот, этот самый Билль так и делал; он пил, стоя, как пригвожденный. Раз, при мне, он выпил, таким образом, сорок бутылок.

Физиологи твердят, что подобных людей, вообще, нет; что это обман зрения, ибо никто в мире не может удержать в себе столько жидкости. Мой ответ физиологам: «Пфуй». Фактов нельзя оспаривать. Билль упорно избегал дверей с надписью «Для Мужчин», как будто бы вывеска эта читалась «Для Женщин». Одно только появление свое у таких дверей Билль считал бы унижительным для себя.

После большого Балтиморского пожара в 1904 году, «Хералд» в течение пяти недель печатался в Филадельфии. Меня послали туда с поручением найти подходящие помещения для наборщиков .

Мне понравилась дешевая гостиница с баром на первом этаже.

Но хозяин, немец с козлиной бородкой, почему-то отнекивался. Репутация наборщиков его, очевидно, пугала, а в те времена она, действительно, была нехорошей. Хозяин, явно, опасался за добродетельность своей прислуги.

Но когда я упомянул о замечательном таланте Билля, хозяин весь просиял, согласился сдать нам комнаты и даже предложил соревнование. Оно состоялось в следующий же вечер, и Биллю досталась очень легкая победа, настолько легкая, что он, зазнавшись, предложил удвоить к следующему разу количество выпиваемого пива.

Н о в о с е л ь е

Мы еле отговорили его от этого, и утащили спать, сопровождаемые громким шопотом собравшихся.

Было ясно, что они что-то затевали; вероятно, намеревались призвать на помощь местных знаменитостей.

На следующий день в пивную, действительно, явился парень из города Вифлеема. Он позорно провалился. Выпив несколько стаканов пива, он разразился вдруг такими песнопениями, что у всех затрещало в ушах.

Он продержался дольше своего предшественника, но все же соревнование окончилось для него позорно. Товарищи отвезли его домой в состоянии более подавленном и менее мелодичном.

Бар постепенно стал привлекать все больше и больше любопытных. Было видно, что лагерь противников принимает отчаянные меры.

В один прекрасный вечер к нам явился приземистый уэльсец из Вилкс-Барре. Он пришел не один, а в сопровождении целого комитета, председатель которого уведомил нас, что на чемпиона ставится 25 долларов.

Сторонники Билля создали тотчас же летучий митинг и собрали в сорок минут вдвое больше: 50 долларов.

Чемпион держался долго и хорошо. Но конец наступил неожиданно. Раздался оглушительный треск, и чемпион вдруг очутился на полу.

С того времени Билль стал сильно зазнаваться. Он поговаривал даже о состязании с двумя чемпионами сразу.

Спешу, для удовлетворения вашего любопытства, заявить, что Билль не был побит. Он побеждал всех противников: немцев, ирландцев, уэльсцев, шотландцев, не говоря уже о простых американцах, из которых ни один не был в состоянии продержаться больше получаса.

Билль был только одним из представителей замечательной плеяды гигантов, которыми в те дни славилась Балтимора. Все классы выдвинули больших людей. Одни посвящали свои таланты питью; другие — еде.

В последней области знаменит был некий старик, человек, по всем признакам состоятельный, живший в отеле «Реннерт», тогдашнем центре Балтиморских гурманов и, в частности, поклонников устриц. Старик, по какой-то необъяснимой причине, обедал не в отеле, а в ресторане Мэк Ферсона, в нескольких кварталах от гостиницы.

Неизменно, каждый вечер, элегантно одетый, опираясь на трость с золотым набалдашником, он покидал свой отель и пешком шел к ресторану.

Каждый раз, из года в год, старик заказывал одно и то же блюдо. Выпив несколько рюмок виски, он принимался за **двойную порцию** бифштекса с **двойной порцией** зеленого горошка и картофеля. Он все с'едал до последнего кусочка, нередко заказывая и третью порцию картофеля и поглощая, конечно, массу хлеба. Все это он запивал двумя квартами бургундского вина и тремя рюмками виски.

Затем он закуривал сигару, расплачивался и отправлялся в свой отель.

Как-то по городу распространился слух, будто старик решил отказаться от своей «диеты». Редактор, Макс Вэйс, послал меня проинтервьюировать его.

Я начал деликатно его расспрашивать. Но старик с места в карьер категорически заявил, что все слухи о нем — ерунда на постном масле. Он собирается прожить на своей диете еще лет двадцать. Он чувствует себя превосходно, живя в высшей степени воздержанно: легкий завтрак; никакого лэнча; питательный ужин. Люди, кушающие свинину, сказал старик, роют себе могилу собственными зубами. Евреи, поэтому, заслуживают наивысшей похвалы. Всякая птица — отравы, ибо в ней слишком много фосфора. Дичь — тоже опасна. Только одно блюдо питательно и невредно — бифштекс. Конечно, он с'едает с бифштексом картофель и горошек, но это, так сказать, для компании, чтобы бифштексу не было скучно. Сам он прекрасно мог бы обойтись и без картофеля, и без горошка. Салат представлял собой, в некотором роде, жест по отноше-

Н о в о с е л ь е

нию к траве, которой коровы питаются. Он кушал черный хлеб вместо белого потому, что из этого хлеба выделяется в Мэрилэнде лучший в мире напиток: виски. О Бургундском вине говорить, вообще, не приходится. О великих достоинствах этого вина упоминается даже в Библии.

Старик умер раньше своего двадцатилетнего срока, но режима не изменил. Врачи ему делали серьезные предостережения, но они на старика не действовали.

Он умер случайно. На него, у входа в отель, наскочил велосипед. Он слег. Болезнь осложнилась воспалением легких, и через три дня его не стало.

Перевел М. Железнов.

Reprinted from Newspaper Days by H. L. Mencken by permission of the special arrangement with Alfred A. Knopf, Inc. Copyright 1940, 1941 by Alfred A. Knopf, Inc.

ФИНАНСОВЫЕ ГЕНИИ

Ни Айлин, ни я никогда не увлекались рассказами о том, как финансовые гении или редакторы больших богатых журналов добивались своего высокого положения, или как трудящиеся бедные женщины вдруг становились владелицами крупных универсальных магазинов.

Вам всем известны эти истории. Бедный, оборванный мальчик продает на улице газеты в зимнюю стужу. Управляющий газеты на него обращает внимание; он видит в мальчугане все признаки гениальности, свойственной будущим великим банкирам; он выдвигает нашего героя, который в краткое время уничтожает всех конкурентов и преодолевает все препятствия. Но нам это, очевидно, не суждено, — ни Айлин, ни мне. Я до сих пор не могу понять, почему мы, взбираясь по лестнице жизни, все таки никуда не попали.

Мы, ведь, тоже начали с продажи газет. Вернее, с подписки на еженедельный женский журнал. За это мы получили замечательный кино-аппарат с фильмом, на котором был показан человек, ныряющий в воду. Аппарат можно было заводить и обратным ходом; и тогда атлет выскакивал из воды на доску. Это было страшно смешно.

Журнал тоже был смешной. В нем все время печатался один и тот же роман, «Шейх». Наша семья подписалась на три года (специальное приложение — всего лишь девяносто центов), и всем, кроме бабушки Фаррель, до смерти надоела безумная любовь в пустыне, жаркие поцелуи и бурные страсти при лунном свете. Тетя Кэтти, никогда зря не тратящая денег, написала даже письмо в журнал, с запросом, когда, наконец, в нем начнется печатание другого материала, кроме ро-

мана «Шейх» и объявлений о патентованных лекарствах. Она не удостоилась ответа.

Получив кино-аппарат, мы с Айлин на время отказались от дальнейшей карьеры деловых женщин. Мы изобрели примитивную, но весьма успешную систему товарообмена: бутылки из под молока обменивали на конфеты. Бутылки, говоря откровенно, были краденые. Постепенно количество бутылок стало уменьшаться, а количество конфет увеличиваться. Наступил крах. Отец получил от владельца конфетного магазина весьма обстоятельный счет. Нам, воспитывавшимся на Диккенсе, уже мерещилась долговая тюрьма. Мы попытались было продать кино-аппарат, но никто не пожелал его купить, по очень простой причине: он был испорчен.

Отец был вне себя. Он сказал, что буквально не понимает, как дошли мы до жизни такой. Он высказал глубокую уверенность, что мы обе уродились в родню с материнской стороны, в бездельников и растратчиков Фаррелей, которых он, отец, должен всегда содержать. Он поставил нам в пример Рокфеллера, Карнеги, Франклина и прибавил, что из нас никогда ничего не выйдет.

Настроение отца несколько улучшилось, когда я этим же летом получила работу в типографии. Мне тогда было 14 лет.

Работа мне понравилась, ибо я сразу же стала центром серьезной идеологической и социологической борьбы между шестью наборщиками и корректором, 74-летним мистером Хичэмом.

Линотиписты, — парни красивые и рослые, замечательно жевавшие табак, относились весьма презрительно к мистеру Хичэму, так как он провел большую часть своей жизни за корректированием телефонной книги. Они же получили свое высшее образование в газетной типографии.

Почему-то мистер Хичэм заподозрил линотипистов в неблагородных намерениях по отношению к моей четырнадцатилетней особе. На чем основывалось подозрения мистера

Хичэма, неизвестно. Я была не только всего лишь подростком, но и самой некрасивой девочкой во всем Ист Кливлэнде.

Для наборщиков же, счастливо, кстати, женатых, подозрения мистера Хичэма были источником бурного веселья. Они меня забрасывали всевозможными любовными эпитетами; я краснела до корней своих косичек, а мистер Хичэм бесился.

У мистера Хичэма, фанатичного методиста, нос был длинный, как у Сирано де Бержерака. Этот нос он неизменно почесывал острием своего хорошо отточенного корректорского карандаша. Мистер Хичэм выбегал из своей комнатухи с носом покрытым многочисленными карандашными точками и, дико размахивая корректурой, орал на наборщиков: «Как вам не стыдно! Оставьте бедную девочку в покое! Ей всего 14 лет».

Мистер Хичэм все лето пытался направить меня на путь, по которому должна следовать всякая благовоспитанная девица. Но очень скоро он разочаровался во мне. Произошло это из-за Джэка Демпси, на котором я проиграла наборщикам два доллара и двадцать пять центов. Азартничанье, в глазах мистера Хичэма, было грехом непростительным, и он понял, что для меня лично больше уже не было никакого спасения.

В лето, когда мне исполнилось 16 лет, что-то произошло на Волл стрите, и наша типография прекратила свое земное существование.

Отец был недоволен. Он читал «Сатэрдэй Ивнинг Пост», и верил в Хувера и в то, что финансовое положение Америки улучшается с каждым днем. (Предприятие, в котором отец работал лопнуло только в ноябре). Отец попрекал меня тем, что я слоняюсь без работы. Он говорил, что из меня никогда ничего не выйдет; что я всегда ухитрюсь попадать на работу в промышленность, не имеющую шанса на существование. Он высказывал искренние сомнения насчет того, что я когда либо смогу стать его опорой на старости лет. Джон Рокфеллер, например, по словам отца, никогда не занимался пустяковыми делами. Он с самого своего детства интересовался нефтью. Поэтому Рокфеллер и преуспел в жизни.

Н о в о с е л ь е

Джон Д. Рокфеллер, с другой стороны, никогда не был кельнершей. Зато для меня с Айлин работа в ресторане была следующим портом в житейском плавании, как любил выражаться отец.

Я первой пошла работать в чайную Харви, а Айлин уже после меня, главным образом, из-за отца.

Отец все время настаивал на том, чтобы Айлин безотлагательно нашла себе работу. Айлин же отпиралась, на том основании, что она еще ребенок: ей было всего 15 лет. Это злило отца.

«Разве», вопрошал он, «Джон Рокфеллер покупал себе липстик за 2.50? Разве Рокфеллер заставлял своего отца платить за этот липстик? Разве Рокфеллер приводил с собой в отцовский клуб подруг-дармоедок, тративших на один только обед 17.80?».

Айлин смирилась. Она пошла работать. Уже тогда моя сестра славилась своей красотой в Ист Кливлэнде, и старик Харви с удовольствием принял ее на службу.

День открытия ресторана Харви преследует меня до сих пор в моих сновидениях. Ни Айлин, ни я никогда в жизни не держали в руках подноса, но, поступая на работу, мы обе бессовестно соврали о нашем опыте. Вполне естественно, что никто и не подумал о том, что две опытные кельнерши нуждаются еще в какихнибудь наставлениях. И никто не потрудился показать нам, как надо подать блюдо, чтобы его содержимое попало на стол, а не за воротник гостя.

В 12:10 пополудни Айлин появилась в дверях кухни с четырьмя котлетами на подносе. Взоры всех гостей немедленно же обратились к ней. В зале воцарилось гробовое молчание. Две-три женщины даже привстали со своих мест.

Айлин шествовала, держа поднос высоко над головой. Ее лицо было налито кровью. Кепи в волосах сдвинулось на уши. В глазах ее был написан смертельный ужас.

Она двигалась, как акробат, ступающий по канату. По залу пронесся подавленный гул шопота. Худые руки Айлин

заметно стали уставать под тяжестью подноса с четырьмя котлетами.

Поднос покачивался во все стороны. Часть салата перекочевала на шляпу парализованного страхом господина. Лицо Айлин становилось все краснее и краснее. А глаза всех гостей все еще были устремлены на мою сестру.

Дамы, заказавшие котлеты, сидели неподвижно, следя за каждым движением Айлин, очутившейся, наконец, возле них с подносом, сильно накренившимся на бок.

И вдруг молчание нарушилось громким криком Айлин: «Помогите!».

В этот момент первая дама, заказавшая котлеты, вскочила с своего места и с необычайной ловкостью схватила с подноса тарелку. Ее примеру последовали остальные дамы.

Айлин потом утверждала, что в течение этих нескольких минут она мысленно трижды упала в обморок.

По какой-то необъяснимой причине Айлин не потеряла своей должности. Но ее откомандировали в самую заднюю и неприбыльную часть ресторана, где на чаевых никак нельзя было разбогатеть. Но и там, по уверению моей сестры, ей не раз приходилось падать мысленно в обморок.

Открытие ресторана состоялось в понедельник. В среду нам стало казаться, что мы лишаемся ног. В четверг повар, пытавшийся пофлиртовать с Айлин, пригрозил ей кухонным ножом. Повар был южанином и человеком в высшей степени романтичным. В пятницу хозяйка, приехавшая сюда из Нью Йорка и чрезвычайно этим гордившаяся, застигла нас на кухне в процессе истребления специального, 25-сентового пирога. В субботу Айлин уронила две порции мороженого.

Тогда мы вздохнули с облегчением, в уверенности, что наступил долгожданный конец.

Мы ошиблись.

Во вторник Айлин уронила две порции фруктового салата и пирог.

Новоселье

Ее нашли в кухне, где она мирно сидела и уплетала пирог. Айлин оправдывалась, что пирог, все равно, был испорчен.

В пятницу в ресторан, сопровождаемый матерью и сестрой пришел Билль Гюнекер, которым Айлин тогда увлекалась.

Айлин не выдержала и тут же на месте бросила должность, оставив на произвол судьбы четырех гостей, заказавших курицу.

Меня уволили ровно через пять минут, «за сочувствие Айлин».

Вначале мы попытались скрыть этот печальный случай от отца. Но он догадался, как только кельнер клуба по телефону запросил его будет ли он платить по счету дочери.

Отец прочитал нам длинную нотацию. Он сказал, что мы, безусловно, закончим свои дни в богадельне. Нас может спасти только замужество. Впрочем, отец не верил в то, что нам удастся найти богатых женихов. Разве мог Карнеги когда либо покинуть свою должность потому, что в месте, где он работал, показался его «бойфренд»? Конечно, нет.

Вообще, заявил категорически отец, он сильно сомневается в том, что мы — истинные американцы, пионеры, завоевывающие себе собственными руками счастье. Время, увы, показало, что он был прав.

Перевел М. Железнов.

Copyright 1939 by Ruth McKenney. Reprinted by permission of the author and the publishers, Harcourt Brace & Company.

ЭПТОН СИНКЛЕР.

КОРЕНЬ ВСЕХ ЗОЛ

В современном мире родился новый завоеватель. Александр, Цезарь, Аттила, Чингис Хан, Наполеон, — и вот еще один, подобный им явился в век электричества, радио и массового производства.

У мирового завоевателя должно быть только несколько идей, но очень определенных, странная комбинация совершенно равных по силе качеств: железная воля, несломимая энергия и никакого подобия совести. Ему необходимо сознавать, чего именно он добивается и не допускать на своем пути никаких препятствий. Он должен понимать психологию других людей, как друзей, так и врагов, со всей их жадностью, трусостью, ненавистью, ревностью, со всеми страстями, руководящими их поступками.

Точно так же должен он понимать психологию толпы и идеалы и разочарования, двигающие ею. Ему надо быть в достаточной степени фанатиком, чтобы уметь говорить языком толпы. Он обязан верить только в собственную судьбу, в свой собственный образ, разукрашенный легендой.

В своем воображении он переделывает целые народы и континенты на свой лад. Чтобы достигнуть этого, он должен быть лжецом, вором и разбойником в мировом масштабе. Без колебаний он готов на любое преступление, независимо от того, касается ли это отдельных лиц или целых наций.

Его триумфальный путь устлан трупами врагов. Суда его плавают в море человеческой крови, его победные песни созданы из стонов и проклятий человечества.

Особенность Гитлера в том, что ему верит его народ, тогда как все другие люди не могут и не хотят ему верить и отно-

Новоселье

ся к нему, как тот крестьянин в цирке, увидевший жирафа: «Нет, брат, таких зверей не бывает!».

Чем больше Гитлер говорил миру, кто он и кем он хочет быть, тем недоверчивее мир улыбался. Такие люди имеются в каждом сумасшедшем доме. Тип этот настолько распространенный, что любой психиатр может поставить диагноз по первой же фразе или по первой странице книги. Здравомыслящие люди резюмировали: «Ерунда!» и больше не думали о Гитлере, оставив его завоевывать мир.

Адольф Гитлер завладел Национал-Социалистической партией, благодаря соединению своих качеств: он был самым фанатичным, самым решительным и вместе с тем самым лукавым, самым бессовестным и неумолимым.

Сначала люди возмущались его авторитетом, и пока он был слаб, он считался с ними и льстил им, когда же сделался сильным, — раздробил их.

Каждое его действие вело к все большему расколу. Он безжалостно прибрал к рукам главарей шайки. Еще до того, как он обрел правительственную власть, его фанатичная «Черная Гвардия» дралась, а иногда мародерствовала там, где появлялись противники новой темной религии, *Blut und Boden*», крови и земли. Работай с Гитлером, и возвеличишься, сопротивляйся ему, и твои мозги будут разбрызганы по мостовой, или будешь подстрелен и брошен в темном лесу непохороненным.

Герман Геринг, авиатор и военный офицер, человек богатый, любящий роскошь, и отличающийся ненасытным тщеславием, ненавидел и презирал Геббельса, болтливое журналиста, кривоногого карлика с ядовитым языком. Чувства эти были взаимными. Геббельс с удовольствием облил бы лицо Геринга серной кислотой, а последний, в свою очередь, пристрелил бы его как собаку. Если бы они только смели. Но фюреру нужен был Геринг, как власть исполнительная, а Геббельс, как организатор пропаганды. Поэтому он и запрятал того, и другого.

То же самое можно было бы сказать о сотнях людей в этой партии сумасшествия и ненавистничества: жертвам мировой войны, депрессии, психопатам, наркоманам, преступникам, — всем им нужен был Гитлер еще больше, чем они были нужны ему. А он подольщался к ним, как если бы они были действительно незаменимыми.

Вряд ли среди них был хоть один, который не считал бы себя более подходящим для возглавления партии, чем фюрер. В свое время многие из них смотрели на него свысока, в душе они и до сих пор так на него смотрят. Но он взял над ними верх благодаря комбинации своих особенностей. Он был тем, кому удалось заручиться доверием толпы, кто мог предводительствовать Н. С. Д. А. П. и вести по пути завоеваний.

Гитлер следил за Муссолини и поучался у него. Хотя в июне 1924 года за Бенито Муссолини был уже двадцатимесячный стаж премьера Италии, социалисты все еще издавали газеты, бывшие во много раз популярнее листков Муссолини, и в итальянском парламенте все еще существовала свобода слова. Все еще существовала и оппозиция, рабочие союзы, кооперация и прочие средства борьбы с фашизмом. Убийце Маттеоти потребовалось больше года, чтобы привести в исполнение разрушительное сопротивление и сделать себя правителем итальянского народа.

Но планы Гитлера были иными. Он умел ждать, но не промедлил бы ни одного лишнего часа. Для времени у него был свой собственный критерий.

Он ошеломлял весь мир и даже своих соучастников неожиданностью своих действий. В первую очередь — всегда в первую очередь — проводилась психологическая подготовка. Задумав смести права немецких рабочих, разрушить движение, которое терпеливо создавалось ими почти целое столетие, он пришел к ним с распростертыми объятиями, в то же время готова смертельный удар в спину.

Рабочий день в Европе праздновался первого мая, и на протяжении всего континента рабочие выступали в параде,

устраиали грандиозные митинги и пикники, пели песни и слушали речи своих вождей. Триста шестьдесят четыре трудовых дня они вдохновенно готовились к этому событию.

И вот, за несколько недель до праздника было объявлено, что гитлеровское правительство переименовало день первого мая в «День Национального Труда». Ведь это правительство «истинного социализма», оно друг трудящихся. Классовой борьбе больше не должно быть места. Революция свершилась, рабочие празднуют свою победу, и перед ними новое и светлое будущее.

Все эти громкие слова понеслись с помощью всемогущего радио и прессы во все углы Фатерланда.

Но конечно власть полиции запугивала и уничтожала каждого, кто только смел поднять голос и выразить какую либо иную идею.

Перевод В. Дудко.

From Dragon's Teeth, copyright 1942 by Upton Sinclair, by permission of The Viking Press Inc., New York.

АЛЬФРЕД КРЕЙМБОРГ.

СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Что сказать о стране безмерной,
Солнце мира, звезде моей,
Что сказать о России верной
Достиженьям своих сыновей,
Верной всем забытым народам,
Верной всем грядущим свободам?
Что Россия — крыши солома
И поля в осенней нужде...
Что сказать о солдатах дома,
О солдатах правды везде?
Что сказать о душе незнакомой
Одного и всех, в чередe,
О душе светлей воема?
Что сказать, к чему славословья,
Вся Россия песней звучит,
Целый мир обагрят любовью.
Если в жилах не хватит крови,
Разве грудь ее замолчит?
Разве может России тело
Схоронить бездонная мгла,
Кто не скажет: она жила
И костром в бессмертьи горела?

Ничего нет в стране великой,
В строгом сердце, в гордых словах
Чтоб вилося во тьме повиликой,
Что вселяло бы горечь и страх.

Новоселье

Вдруг открылись двери тюрьмы,
И уходит ужас безликий,
И Россия сегодня — мы.
Их сраженья, наши сраженья,
Стали близкими их города,
И высокого снега движенье,
Ропот ветра, мерцание льда,
Их надежды и пораженья, —
Стала нашей России беда.
И когда в борьбе величавой
Озарится лес и вода
Нашей славой, русскою славой,
Мы в растущем свете кровавом
Побратаемся навсегда!

Вольный перевод **Софии Прегель.**

УЧЕНЫЕ И ВОЙНА

Наука находится теперь на службе у охваченного войной мира. Как лояльные граждане, русские и американские ученые принимают активное участие в борьбе за установление лучшего порядка на земле. Они гордятся сознанием, что оказались способными изобрести военное снаряжение, достойное солдат сражающихся за свободу.

Американские и русские ученые об'единились в дружном усилии, чтобы добиться решительной победы над общим врагом. Они хотят мира, в котором люди будут свободны в организации жизни и в своих поисках правды и знания.

Построение на научных основаниях общество представляет из себя очень сложный механизм, охватывающий весь мир.

Оно состоит из специалистов. Оно могуче, когда работа этих специалистов строго координирована.

В современных условиях сотрудничество является необходимым жизненным условием. Но она может существовать только среди людей, об'единенных общими целями. Мировое сотрудничество об'единяет всех идеей общего благополучия. Желание совместной работы, это антитеза ненависти. Так как ненависть и насилие порождают антогонизм, то становится очевидным, что завоевания не могут быть удерживаемы долго.

Таким образом, в гармонично организованном мире, который хочет создать наука, общество, основанное на ненависти и насилии оказывается слабым, в противоположность сильному обществу, основанному на взаимном благожелательстве.

Великие силы науки содействуют образованию единого мира, в котором люди вырабатывают свои собственные методы

Н о в о с е л ь е

совместной работы. Таковы научные основы общества, построенного на любви к миру.

Развитие и процветание науки, ставшей сейчас на время служанкой войны, являются одной из высших ценностей, за которое ведется настоящая война. По мере того, как люди лучше знакомятся с наукой, со значением неуклонных и упорных поисков истины, растет и надежда, что научные исследователи могут привести к полному исчезновению войны, как способа разрешения великих человеческих проблем. Другие огни могут тускнеть, но наши сердца оживают при виде неугасимого светильника науки.

У воюющих с нами народов есть свои ученые. В мире, который будет создан после войны, они окажутся нашими надежными помощниками в деле создания нового порядка.

Пока же мы будем пользоваться своей наукой, как мощным орудием защиты наших ценностей, наших близких, нашей страны и нашего права свободно мыслить.

ЧАРЛЬЗ А. БЭРД

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Одна из величайших ценностей, которые мы считаем своим долгом поддерживать и защищать теперь, это демократия. Мы верим, что она у нас более или менее достигнута, что она должна быть осуществлена полностью. Благодаря этому самая идея демократии приобретает новое значение. Задумываясь над ней, мы неизбежно должны обратиться к истории.

В заметке, напечатанной 2 февраля 1937 года в «Нью Йорк Таймсе», приводятся слова итальянского диктатора Муссолини, сказанные им корреспонденту этой газеты:

— Вы меня раздражаете своими разговорами о демократии. А я вам говорю, что демократия, это одна из масок капитализма, который цепляется за старое, оставляющее ему свободу действий.

Если это было бы только мимолетным замечанием экспансивного властителя Италии, идеи которого вообще полны путаницы и противоречий, то не стоило бы на этом и останавливаться. Но подобная точка зрения неоднократно высказывалась и другими интересующимися современным положением лицами, более вдумчивыми, более последовательными, лучше осведомленными. Примеры этому найти не трудно.

Правда ли, что демократия, это только личина капитализма, что в ней нет никаких человеческих ценностей, способных защищать себя, что она не предлагает никаких средств для разрешения серьезных государственных проблем и для последовательного совершенствования, столь необходимого в социальной жизни?

Всякому должно быть очевидно, что этот вопрос заслуживает самого горячего обсуждения и представляет первостепенное значение. Наша жизнь и благосостояние зависят от ответа на этот вопрос и от нашей готовности защищать и развивать достижения демократии и приносить ради нее любые жертвы.

Ответ на этот вопрос надо искать не в тумане метафизи-

ческих и диалектических рассуждений. Он лежит в истории прошлых веков и в явной очевидности происходящего на наших глазах.

Капитализм и идея демократии.

Является ли демократия только маской капитализма? Правда ли, что идея демократии в Западной цивилизации пришла в голову капиталистам, что это они выдвинули ее в Америке, покровительствовали ей, сражались за нее, что это они воплотили ее в соответствующих установлениях и учреждениях, — и все это с единственной целью создать прикрытия для своей собственной системы?

Прежде чем перейти к обсуждению, необходимо дать два определения, без которых мы неизбежно запутаемся.

Если под капитализмом понимать простое частное землевладение, или владение какими либо орудиями производства, то надо признать, что капитализм гораздо старше всего, что может с каким то основанием называться демократией, и что капитализм существовал при самых разных формах правления.

Но капитализм не должен быть отождествляем с частной собственностью, как таковой. И он не оставался неизменным во все времена и в разных местах. Капитализмом может быть названо пользование собственностью с непосредственной целью извлечения из этого выгоды, в противоположность пользованию собственностью для удовлетворения жизненных потребностей.

Более того, формы капитализма зависят от условий их возникновения, роста, степени развития, происходящих изменений.

Ясное дело, что в средние века работа большинства людей и большая часть орудий производства употреблялись на приготовление полезных предметов, а не на извлечение выгоды собственниками, в более или менее точном смысле этого слова.

Как мы уже видели, только в результате трех столетий развития извлечение выгоды превратилось в самую тяжелую проблему экономики народов Запада.

Можно считать, что настоящего расцвета капитализм достиг только в конце девятнадцатого столетия, как раз в то время, когда социальная демократия выступила со своей теорией и практикой.

В таких случаях точность математики и физики не может быть достигнута, но вес исторической очевидности поддерживает это мнение.

Если приводить какие либо данные, то можно рискнуть утверждением, что капитализм в Соединенных Штатах сделался господствующим строем не раньше 1865 года, когда ясно обозначился упадок класса плантаторов.

Теперь дадим условное определение демократии, как правительства, покоящегося на народных основах и прямо или косвенно контролируемого всем взрослым населением, без каких бы то ни было имущественных ограничений. В политическом смысле, это вполне обоснованное определение.

Здесь тоже приходится считаться с ростом и степенью развития. Этапы этой системы правления могут быть прослежены в истории, так же отчетливо, как эволюция жизни на земле может быть прочитана по геологическим находкам.

Исторические требования демократии.

Оставляя древние и средние века в стороне, мы можем обнаружить следы демократии в Англии в 17 столетии.

Ропот и недовольство раздавались еще задолго до этого периода, но только в 17 столетии мы встречаемся с настойчивым широким требованием «естественных прав» и права для всех принимать одинаковое участие в государственном управлении.

Были ли эти требования выдвинуты, поддержаны и защищаемы представителями имущих классов и зарождающимися капиталистами этого столетия?

История отвечает ясно: нет. Эти требования были выдвинуты никому неизвестными людьми, глубоко презиравшимися зажиточными классами того времени. Система политической демократии была достигнута в Англии только в результате продолжительной борьбы, тянувшейся целых три столетия, и достигшей своей кульминационной точки получением права всеобщего голосования, имевшим место уже в наши дни. Класс капиталистов и землевладельцев относился к идее всеобщего голосования без большой симпатии. Капиталисты охотно удовлетворились бы своим собственным правом голоса, их филантропия была ограничена. Отдельные капиталисты и землевладельцы, в целях личного преуспеяния, иногда содействовали демократическому движению. Но сказать, что

представители имущих классов дали право голоса неимущим в интересах защиты своей собственности, — было бы просто искажением фактов английской истории.

Обобщения приложимы и к истории Америки. Имушие классы, пользовавшиеся при английской системе в колониальных времена правом голоса, сбросив в 1776 году английское иго, не поторопились предоставить это право неимущим классам. Наоборот, первые принятые после Революции государственные постановления продолжали сохранять определенные имущественные ограничения в праве голоса и праве занимать общественные должности, свидетельствовавшие о намерении удержать правление в своих руках. Только после бесконечной борьбы право голоса сделалось достоянием всех взрослых мужчин белой расы. Результат этот практически, хоть и не полностью, был достигнут в 1835 году, за много лет до расцвета капитализма в Соединенных Штатах.

Кто же был вождем в этой борьбе, целью которой служила демократизация американского правительства? Явилось ли начало этой борьбы, ее ведение и победное завершение заслугой капитализма, как класса? Об этом свидетельства американской истории совершенно непреложны.

В основе своей, демократическое движение в Америке поддерживалось промышленными рабочими, имеющими дело с машинами, и фермерами, которых при самом живом воображении трудно причислить к капиталистам. Вожди этой борьбы за всеобщее голосование, мужчины и женщины, черпали свое вдохновение в Декларации Независимости. Известную поддержку и даже помощь им случалось принимать и от отдельных лиц, которых можно было бы назвать капиталистами, но самое установление демократии в Соединенных Штатах отнюдь не является делом рук капиталистов.

Помимо холодных исторических фактов, простое теоретическое рассуждение доказывает абсурдность подобного утверждения. Представители имущих классов, говорит оно, передали управление государством неимущему большинству, в целях сохранения своей собственности. Простая логика показывает противоречие этой идеи и действительности, а исторические факты подтверждают ее ошибочность.

Развитие капитализма совпало с развитием демократии, и в известном смысле способствовало ее росту. Но капитализм

не породил идеи демократии, не помогал ее осуществлению, не приветствовал ее победы.

На всем протяжении этого долгого исторического процесса представители имущих классов неоднократно твердили о несовместимости демократии с неравномерным распределением собственности.

Сущность демократии.

Нет, развитие демократии было вызвано более глубокими силами, чем капитализм, чем простое накопление прибылей. И все же идея демократии всегда сохраняла связь с формами и распределением богатства.

Томас Джефферсон не выбирал ни для себя, ни для своей партии клички «демократ». И тем не менее его можно с некоторым основанием признать родоначальником идеи демократии на заре американской республики.

В представлении Джефферсона народное правление связывалось с широким распределением богатств. Он считал, что такое правительство должно опираться на земледельческую часть населения, не землевладельцев, а земледельцев, в поте лица своего добывающих свой хлеб и пользующихся благодаря этому свободой и независимостью.

Джефферсон полагал, что благополучие республики обеспечено, покуда земли имеются в изобилии, и что как только американцы начнут сгущаться в городах, они неизбежно начнут пожирать друг друга по европейскому образцу.

Сегодняшняя американская демократия, борясь за свое существование, не пытается изобразить из себя только орудие или прикрытие капитализма. Наоборот, она вмешивается в существующий порядок вещей, при котором богатства концентрируются, а не распределяются равномерно. Она издает законы против методов, благодаря которым эта концентрация осуществляется. Она требует практического, утвержденного законами осуществления широкого распределения богатств, при котором экономическая обеспеченность была бы гарантирована всем.

Конечно, просвещенные капиталисты не могут не признавать справедливости и неизбежности такого требования. Но все же было бы неправильным утверждать, что ядро американских капиталистов стоит за усиление современной демократии. Считать, как это часто встречается, что демократия в Соеди-

ненных Штатах служит только орудием в руках капиталистов, это явное заблуждение, упорное нежелание видеть окружающую нас действительность.

Не менее значительным чем самый идеал демократии и его экономический аспект, является также и метод, предлагаемый демократией для осуществления политического и экономического приспособления, требуемого происходящими в производстве переменами, научными достижениями и вечными стремлениями человеческого духа.

Демократия считает, что эти изменения должны проводиться в жизнь с предварительным исследованием, обсуждением, вынесением общего решения и постоянной проверкой получаемых результатов. Демократия предлагает способ распространения просвещения и организации мирной жизни под властью закона, которая позволила бы избежать вечных конфликтов, обычно имеющих место при правительствах, созданных и поддерживаемых силой.

Демократия обеспечивает человеческому уму свободу знания, без которой наука не может двигаться вперед. Она поддерживает свободу печати и общения, без которой интеллектуальная жизнь не может правильно развиваться и становится карикатурой на самое себя.

В демократическом обществе гражданские трибуналы и законы защищают свободу личности от малейших проявлений насилия. Никакой представитель власти не имеет права заключать граждан в тюрьму без суда и следствия, без свидетельских показаний и законной судебной процедуры.

Такие демократические институты не могут служить только прикрытием капитализма.

Их возникновение предшествует развитию и расцвету капитализма в Западной цивилизации. Усовершенствование этих институтов не было результатом усилий капиталистов. Наоборот, в продолжении больше трех столетий люди жертвовали своим благополучием и даже жизнью ради осуществления идеалов демократии.

Конечно, законы и формы современной демократии еще далеки от совершенства. В применении к практике, невежество и фанатичность искажают ее основные цели. Принципы демократии часто нарушаются. Но несмотря на все эти недочеты, отсрочки и путаницу, которых не признать невозможно, идеи и достижения демократии представляют постоян-

ный резкий контраст с идеями и тактикой правительств, опирающихся на насилие.

Центр тяжести всего спора переносится, таким образом, на вопрос о смене форм правления.

Вся сущность истории заключается в происходящих изменениях. Люди умирают. Вырастают новые поколения. Смерть косит и диктаторов, и их жертвы. Идеи возникают и исчезают. Духовные и материальные интересы меняются. Старые ценности уничтожаются, создаются и лелеются новые. Никакое правительство не застраховано от изменений во времени. Если требуется подтверждение, взгляните на развалины государств, империй, королевств, княжеств и диктатур, которые лежат по краям долгого, семитысячелетнего пути истории. Те, кто не умеют гнуться, приспосабливаться, применяться, неизбежно гибнут. Деспотизм неизменно вызывает кровопролития.

Всякий деспотизм, каким именем он бы ни прикрывался, пытается заморозить историю, приостановить перемены, закрепитость человеческого дух.

Есть только один способ борьбы с деспотизмом: это революция, вид насилия, употребленный против насилия. Но такие правительства недолговечны.

Недолго просуществовало правительство Кромвеля. Не удержались и правительства Наполеона 1 и Наполеона 3. Правительство Диаза существовало немного дольше, но в заключение также исчезло.

История беспощадна. Чем больше зарываются деспоты, чем громче провозглашают вечность своих систем, тем более очевидна их недолговечность и обреченность. На каждого Цезаря есть свой Брут. Но на каждого Брута есть старик, терпеливо поджидающий его со своей косой.

С другой стороны, демократические институции не боются изменений и не зависят от отдельных личностей или групп. Они не представляют из себя какой либо замкнутой системы. Они возникают, существуют и изменяются в зависимости от социальных и экономических условий, приспособляясь к окружающей жизни свои особенности.

Они покоятся на человеческих идеалах, интересах и суждениях, более постоянных, чем какие либо системы.

Демократия не отрицает роли личности в истории и всячески способствует максимальному выявлению каждой личности. Она не пытается остановить народные массы от группирования вокруг отдельных вождей. Инициатива, обсужде-

Н о в о с е л ь е

ние и принятие зрелых решений ведут к великим достижениям.

Все это прекрасно понималось основателями американской республики. Они были хорошо знакомы с историей деспотизма древних веков. В период между 1780 и 1787 годами многие американцы считали республику неосуществимой, и какое либо народное правление — иллюзией.

В 1782 году один полковник американской армии писал Джорджу Вашингтону: «Война должна была доказать всем, а в частности военным, несостоятельность республик». Далее он предлагал отдать огромную территорию под управление, которое выбрали бы военные.

В ответ на это письмо Вашингтон ответил очень резкой отповедью, оставшейся в истории демократических принципов.

Основатели народного правительства в Соединенных Штатах и вожди демократии, боровшиеся за ее распространение, не грешили незнанием истории, и законов природы. Они хорошо знали судьбу деспотизма.

Наряду с этим они прекрасно отдавали себе отчет в трудностях, стоящих перед самоуправляющимся правительством.

После об'явления Независимости открылся путь военной диктатуре, и было немало людей готовых охотно вступить на него. Но выбор был сделан с полным сознанием, и с полным сознанием был избран иной путь. Такие традиции и такие принципы, ставшие самой сущностью американской цивилизации, являются залогом осуществления демократической идеи.

From Public Policy and the General Welfare by Charles A. Beard, copyright by Farrar & Rinehart, Inc.

РОКВЕЛЬ КЕНТ.

ИСКУССТВО И ВОЙНА

Согласно распространенному мнению, искусство данного периода «отражает дух своего времени». Утверждение это очень неопределенно и лишено всякого смысла. Правильнее было бы сказать, что искусство управляется силами, властвующими в данную эпоху, и самой мощной из этих сил надо признать меценатство.

Художники подчиняются закону, по которому производится отбор наиболее приспособленных, наиболее пригодных. Признание же пригодности выражается в материальной поддержке. Если право такого выбора очутится когда либо в руках самого народа, то можно ожидать, что появится и подлинное народное искусство, являющееся выразителем духа своего времени.

За последние три десятилетия американское искусство не только не пустило корней в окружающую американскую жизнь, но в сущности даже и не отображало особенностей американского духа. Интерес к нему широких масс был незначителен. Американское искусство этой эпохи, конечно, было как то связано с американской жизнью, но отнюдь не являлось ее выразителем, так нарыв на шее свидетельствуя о состоянии здоровья данного человека, ничего не говорит о его характере.

Если бы только у нас хватило мудрости, мы должны были бы понять, что такое положение вещей является предостережением о приближающемся смертельном недуге нашего социального строя, который в 1932 году вызвал первое серьезное потрясение, а теперь захватил весь мир и дошел до своей переломной точки.

Возникший в двадцатом столетии в западном искусстве декаданс, в котором приняла участие и Америка, должен был бы, как мы только что упомянули, быть понят, как признак надвигающегося бедствия. Не менее значительным предвестником близящихся перемен и в частности признаком пробуждающейся демократии было произошедшее почти в самый момент депрессии возникновение нового искусства, словно

впервые открывшего Америку, впервые устремившего свое внимание на реальную американскую действительность и уверенно заговорившего всем понятным языком.

Это была первая настоящая американская школа искусства, свидетельствующая об инстинктивном признании художниками нового демократического покровительства искусств. Американский народ сделался меценатом американского искусства.

Современные молодые американские художники всецело проникнуты духом этого искусства. И через них дух демократии пребывает на всех нас.

Независимо от ограничения творческих возможностей, создавшегося в результате войны, человеческие качества, лежащие в основе нашего искусства, не исчезли, а продолжают существовать, дожидаясь лишь первого случая выявиться, сражаясь за то будущее, которое принесет победа, когда — будем верить! — мир будет окончательно освобожден от унижающей человеческое достоинство классовый зависимости.

Теперешние времена тяжелы для работников искусства. Наше правительство не поняло их роли, как квалифицированных борцов за демократию и победу, и эта ошибка может иметь самые серьезные последствия.

Искусство располагает сильными средствами: оно говорит от сердца к сердцу. В условиях современного кризиса средства художественного выражения — язык, краски, — неизбежно должны очиститься от всякого жеманства.

Свободно выявленное искусство было бы теперь провозглашением любви к жизни. И в то же время оно было бы провозглашением неумиряющей ненависти к силам разрушения, ибо ненависть, это вечный спутник любви.

Художники чтут человечество. Класс, убеждения не играют в любви к человечеству никакой роли. Художники демократичны по самому существу своему. Это именно тот тип защитника, который нам теперь нужен.

Печальной истиной является факт, что за редкими исключениями американские работники искусства не проявляют особой активности и интереса к войне.

Активность в такой большой и важной области требует обнаружения созданных произведений искусства в масштабе, совершенно недоступном частным средствам. Она требует массового производства и распространения художественных произведений.

Наилучшим полотном для художника нашего времени являются стены фабрик, элеваторов и амбаров Америки.

Теперь больше, чем когда либо, у американских художников есть что сказать народу. То, что они могли бы сказать, способно вдохновить людей, возвысить их до ясного понимания идеалов демократии и до правильной оценки сил, ведущих и здесь, и за границей смертельную борьбу.

Твердо веруя в лучшее будущее, художники легко могли бы заразить своей верой весь американский народ.

Художники, верующие в возможность создания лучшей жизни на земле, могут содействовать распространению своих идей. Они могли бы даже стать важным фактором в послевоенной реконструкции. Искусство, это утверждение взаимного доброжелательства людей. От этого доброжелательства зависит наше будущее.

Готовность американских работников искусства быть полезными обществу, к сожалению, была встречена апатично. А со стороны тех, кто казалось бы ясно понимал и имел полное основание опасаться этих демократических принципов, она вызвала явную враждебность.

Такая культурная газета, как «Нью Йорк Таймс», в одной из своих статей высмеивает просьбу американских художников использовать их какнибудь в интересах страны, и высказывает мнение, что было бы гораздо целесообразнее, если бы художники оставили свое искусство и занялись чемнибудь непосредственно полезным, например, замешиваньем цемента.

Голос искусства, говорящий о подлинных ценностях демократии, там мощен, что настойчивое заглушение, которому он сейчас подвергается, может послужить только антидемократическим интересам.

Сейчас, в 1942 году, искусство в Америке является скорее латентной, чем реальной силой, и правильнее было бы оценивать его не по тому, что им уже свершено, а по тому, что может быть достигнуто им при более благоприятных условиях.

Художники ничуть не отказываются от своих прав и обязанностей гражданина: Пока их средства выражения ограничиваются только участием в голосованиях. Но они могут добиваться установления социального, политического и экономического равенства, при котором Америка превратится в страну, где искусства будут процветать.

ЛЕОПОЛЬД СТОКОВСКИЙ.

АМЕРИКАНСКАЯ МУЗЫКА

В настоящее время музыка в Америке быстро развивается и достигает новой ступени зрелости. Под Америкой мы подразумеваем Южную, Центральную и Северную Америку, включая и английский доминион Канаду.

В Соединенных Штатах с одинаковым энтузиазмом культивируются все виды музыки, — опера, камерная музыка, народная, инструментальная, вокальная, хоральная и симфоническая.

Любящие музыку американцы все отчетливее сознают рост своей национальной музыки.

В каждом городке существуют музыкальные клубы и общества. Почти в каждой школе, колледже и университете есть свой хор или оркестр.

Новое поколение состоит из юношей и девушек, обладающих музыкальной чувствительностью и часто незаурядно одаренных. Врожденная бодрость и жизнерадостность американцев выражаются в музыке и других видах искусства, равно как и в науке и различных проявлениях общественной жизни.

Подобная же эволюция происходит и в других странах Америки.

В прошлом музыка Южной, Центральной и Северной Америки питалась из различных источников, — испанского, итальянского, португальского, русского, польского, английского, ирландского, шотландского, французского, немецкого и многих других. Все эти влияния не только мирно уживались одно с другим, но дружным соперничеством скорее даже стимулировали общее музыкальное развитие.

Трудно предсказать с точностью различные детали дальнейшей музыкальной эволюции Америки, так как эволюция эта касается стольких больших, непохожих одна на другую стран, населенных людьми различных расовых групп, прибывших в Америку с других континентов.

Но общие линии ее неизбежно будут следовать общим принципам культурной и гуманитарной эволюции всего мира.

Музыкальный язык Америки вышел из Европы. Теперь пришло Америке время выработать собственный музыкальный язык, создать собственные, своеобразные ценности в ритме, мелодии, гармонии и полифонии, подготовиться к индивидуальному выражению поэзии жизни. Особенности эти, естественно, должны быть различными у разных стран Америки. В конце концов, это должно явиться выражением всех многообразных фаз жизни в Северной, Южной и Центральной Америке и прибрежных островах.

Все американские республики, в которых на первобытную индейскую культуру была привита испанская и португальская культура, посредством развития их музыки смогут найти свое культурное единство.

Благодаря родственности своей музыкальной и общей культуры, развивающихся в одном и том же направлении, можно ожидать еще более тесного сближения Канады и Соединенных Штатов. Каждая из этих стран всегда сохранит, конечно, свои индивидуальные особенности, но в культурном отношении их единение и взаимное понимание будут только возрастать.

Музыка Америки отражает разницу географических и климатических условий, от арктического пояса и до тропических экваториальных стран, равно как и разницу национального происхождения — от севера Европы до Средиземного моря, от гор Шотландии, через западных славян — до восточных равнин России.

В основу ее входят все четыре главные группы европейской культуры: латино-средиземноморская, нордическая, англо-саксонская и славянская, к которым надо прибавить все колоритные и ритмические оттенки всевозможных стран: от негров, китайцев, туземных индейцев и до полинезийцев с Тихого океана. Все эти народы самого разного происхождения воспевают американскую жизнь, ее бодрость и динамическую устремленность, богатое наследие прошлого, надежды на будущее. Такова американская музыка.

Пройдет, вероятно, несколько столетий, пока эволюция американской музыки достигнет первого периода своего настоящего расцвета. Эволюция эта должна пройти через много последовательных фаз.

Первая стадия подготовки к этому созреет, когда американские музыканты постепенно выработают свой собственный, американский язык, в котором сольются воедино все отдель-

ные культурные элементы. Эта музыка будет выражать жизнь, ритм и полноту сил Америки. Наследство от всех рас и народов волеется в эту музыку. И это достояние других континентов, после долгой эволюции, окрасится американским восприятием жизни. Бесконечно богатая по разнообразию, она будет, все таки, именно американской бодрой и динамической музыкой.

Большой вклад в американскую музыку уже внесен неграми, обогатившими ее своей ритмической сложностью и гибкостью. Особенно значительна их роль в популярной музыке для танцев, не уступающая впрочем и их вкладу в духовные песнопения.

Лучшие представители негритянской музыки отличаются исключительной музыкальной чувствительностью и способны достигать высокого напряжения и даже экстаза. Характерные черты негритянской музыки это высоко развитый ритм, юмор, своеобразность мелодического рисунка, экстатическая напряженность.

Будучи скорее продуктом чувств и воображения, чем материальной формой, музыка не сразу отражает происходящие в жизни перемены.

Американская живопись, скульптура, драма, архитектура и все другие виды искусства могут скорее достичь своего полного развития, чем музыка. Американская музыка растет и развивается подобно медленно растущим деревьям секвойи, которые достигают полного великолепия только после долгого роста.

Наряду со всем этим, некоторые американские музыканты передают в своем творчестве, главным образом, личные индивидуальные особенности, свое собственное восприятие жизни и красоты. Музыка композиторов типа Дебюсси, чувствительная и импрессионистская, является музыкой скорее индивидуалистической, чем расовой или национальной.

По мере того, как совершенствуются и получают все более широкое распространение новые средства передачи мыслей и чувств посредством радио, телевиденья и других изобретений, — мир становится все единообразнее, несмотря на то, что каждый человек и каждая страна могут оставаться верными своим особенностям и индивидуальностям.

Все это подготавливает почву для развития в будущем универсальной музыки — музыки душ, — каковой была проникновенная музыка Палестрины и Баха.

Л е о п о л ь д С т о к о в с к и й

Будет время, когда великий период культурного расцвета Америки найдет свое отображение в различных видах искусства, науки и в самом высоком из всех — искусстве жить.

Великие художественные ценности будут соответствовать бескрайным просторам Америки и величию ее достижений в других областях жизни.

Г. А. ОВЕРСТРИТ.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Говорят: «Американцы, как только сойдутся, прежде всего начинают создавать комитет».

Как во всяком ходячем выражении, есть и в этом некоторое преувеличение. Но в нем достаточно правды, чтобы отметить то, что делает американский народ демократической нацией.

По всей Америке имеется сотни тысяч, миллионы комитетов. И каждый из них представляет из себя маленькую, деятельную демократию. Потому что в каждом из них каждый член его имеет право сказать, что он думает, а когда наступит время голосовать, с его голосом будут считаться совершенно в той же степени, как и с голосом любого другого члена.

Но самое замечательное это, конечно, то, что американские комитеты интересующиеся всем, что только существует под солнцем, являются лабораториями демократической дискуссии. В них американцы учатся искусству подробно обсуждать, взвешивать, разносторонне освещать вопросы и приходиться к определенным решениям только после того, как мысли их приведены в полный порядок.

Гораздо правильнее думать об Америке, как о стране бесчисленных комитетов, чем как о стране, в которой есть Конгресс, Президент и Верховный суд. Конечно, важно и это. Но эти учреждения не свидетельствуют с такой наглядностью о глубокой, коренной демократичности американского народа.

Американцы часто бывают недовольны своими политическими деятелями. В настоящее время, например, есть в Вашингтоне несколько сенаторов, действующих на свой страх и риск, «по-пиратски», что является хотя и нежелательным, но вполне легальным явлением: они не хотят прекратить обсуждения, хотя это и тормозит законодательство.

Европеец, наблюдающий это зрелище, должен был бы прийти к заключению, что американская демократия бессильна и распадается на части.

Нет, американская демократия не бессильна и ей не гро-

зит распад. Потому что демократией пропитана вся повседневная жизнь простого народа.

Трудно представить себе, например, более демократическое учреждение, чем американская семья. Ни отец, ни мать в сущности не управляют семьей. Американская семья сильно напоминает описанные выше комитеты. И мать, и отец пользуются естественным авторитетом, но в семейных делах все члены семьи имеют право голоса. И так как официальное голосование не производится, то жизнь типичной американской семьи течет, так сказать, «с согласия управляемых».

Опять таки, есть в Америке десятки тысяч так называемых «добровольных ассоциаций». Далеко не всегда они вырабатывают устав и устраивают регулярные заседания. Но каждая из таких организаций служит какой нибудь определенной цели — благотворительной, общественной, просветительной, гражданской, осуществление которых, по ее мнению, может быть легче и лучше достигнуто всеобщими усилиями.

Например Лига Голосующих Женщин является добровольной организацией, поставившей себе задачей следить за политической работой в своей местности. Члены форума, одной из таких добровольных организаций, собираются для обсуждения каждодневных происшествий. Организации по устройству увеселений объединяют людей данного округа на почве общих развлечений.

Таким образом, американцы научились сами справляться со всеми местными делами, и для улаживания их не нуждаются в посылке сенаторов и представителей в Вашингтон. Им не нужно, чтоб о них кто нибудь заботился. Чтоб добиться поставленного задания, они объединяются между собой. Американская демократия, это демократия повседневной жизни, касающаяся каждого, казалось бы самого незначительного будничного происшествия. Мы называем ее «демократией от сохи». Это демократия уверенного в своих силах народа, который с ранних, пионерских дней своей истории научился направлять свои усилия к раз поставленной цели.

В американской демократии много недостатков. Многие проблемы ею еще не разрешены. Но какой народ, какая нация могут продолжать свое существование не имея проблем?

Каковы бы ни были принимаемые американцами решения, они всегда, в конечном счете, диктуются собственным здравым смыслом самого народа.

В этом отношении Америка является полной противополо-

ложностью Германии. Типичная немецкая семья автократична: отец глава семьи. Автократична и типичная немецкая школа: там правит учитель.

Гражданская и общественная активность по большей части проводится в Германии по принципу автократии и авторитета. Происходит это потому, что в Германии никогда не было никакой демократии, проникавшей хоть сколько нибудь в толщу народа и в его повседневную жизнь.

Поэтому и политически осуществленная немецкая демократия — Веймарская Республика — так катастрофически окончилась.

В России было гораздо больше демократичности американского типа. Насколько мы, американцы, представляем это себе здесь, на протяжении веков жизненным центром общественной жизни крестьян был м и р, роль которого за последнее время перешла к местным советам.

Русские тоже привыкли обсуждать и решать сообща все свои повседневные дела. Нет поэтому ничего удивительного, что когда наступил момент великого народного бедствия, русский народ оказался готовым принять и выдержать удар.

Благодаря этой общей основной черте «демократии от сохи», Америка все больше и больше проникается сочувствием к родственному ей по духу геройскому демократическому русскому народу.

Перевод В. Дудко.

РАЛЬФ Г. ГАБРИЭЛЬ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Уже с давних времен тысячи американцев, как на паломничество, отправляются каждый год в Маунт Вернон, чтобы посетить дом Президента Джорджа Вашингтона, находящийся на небольшом холме, на берегу тихого Потомака.

Очарование старого плантаторского дома зависит от того, что он связан с именем вождя революции, и имеет на себе отпечаток времени, не знавшего еще машины.

Кушанья для всей семьи готовились в огромном камине. Он же отапливал и весь дом.

В 18 столетии все медленно передвигались в своих экипажах по немощенным дорогам.

У Джорджа Вашингтона в библиотеке были хорошие книги. Вся семья наслаждалась, если случайно в числе гостей находились умеющие играть на скрипке или на клавикордах.

Не было ежедневной прессы. Все новости узнавались от гостей, из писем и от времени до времени выпускавшихся газет.

Жизнь Маунт Вернона текла не спеша, и там можно было встретить много интересных людей. Эта национальная святыня является для нас лучшей памятью 18 столетия.

В те времена, когда Джордж Вашингтон после окончания гражданской войны руководил работами на своей плантации, наука только закладывала основы новой эры.

И что такое представляла из себя наука в те времена? Это было систематическое и добросовестное изучение мельчайших явлений природы и энергии, составляющей самую сущность природы. За сто лет до Вашингтона, сэр Исаак Ньютон в 17 столетии, в Англии, открыл и опубликовал закон тяготения, который с одной стороны управляет движением волн и песка на берегу океана, а с другой стороны удерживает звезды и планеты в небе.

Ученые 18 столетия применяли закон Ньютона для пред-

сказыванья солнечных и лунных затмений, и представляли себе вселенную, как одну громадную систему.

Англичане, современники Вашингтона, принялись создавать примитивные машины, которые приводились в движение не мускульной силой человека или животных, а природной энергией воды.

В 1789 году, когда Вашингтон приехал в Нью Йорк, где он должен был быть провозглашен первым президентом Соединенных Штатов, английский работник, приехавший в эту новую страну, пустил в ход первую американскую фабрику.

Эта фабрика в Паутокете, на Род Айленде, была родоначальницей цивилизации, которую мы все знаем.

В начале 19 столетия, когда в населении преобладали земледельцы, американцы шли вперед, приспособлявая машины к нуждам их повседневной жизни. В Европе это была эпоха большого прогресса в науке. Ученые в лабораториях Старого Света успешно работали в неисследованных до тех пор областях знания.

Соединенные Штаты в то время были страной бедной и люди там были заняты обработкой девственной почвы. Границы отвоеванной земли подвигались постепенно к западу, к Тихому океану, и развитие американской цивилизации не дошло еще до точки, когда уже возможны были большие научные лаборатории. Поэтому американцы вплоть до 1850 года сделали не слишком большой вклад в научную сокровищницу всего мира, хотя в чисто прикладных науках они достигли не малого.

В эпоху, когда в жизни Америки доминировали торговля и земледелие, оказалось неизбежным, что у граждан Соединенных Штатов изобретенья были, главным образом, в области передвижения и земледелия.

Американские изобретатели усовершенствовали плуг, создали машину для очистки хлопка, а равно и жатвенную машину.

Усовершенствованный плуг дал возможность пионерам обрабатывать тяжелую почву прерий. Хлопковая машина превратила юг в центр хлопчато-бумажной промышленности, а жатвенная машина, ускоряя процесс сбора урожая, позволила земледельцу уже во второй половине 19 столетия в несколько десятилетий завоевать обширные пространства между Миссисипи и Скалистыми горами.

В то же время американцы уже пользовались хорошими

пароходами, и реки и озера превратились в важные торговые артерии.

Не они первые построили железную дорогу, но они прекрасно справились с разрешением технических деталей, благодаря которым оказалась возможна железная дорога в ее современном оборудовании.

В то время американцам приходилось пользоваться водой, дровами и ветром, как главными источниками энергии. Дрова были горючим материалом для локомотивов и пароходов. Рабочие у горна мешали руду с древесным углем в своих печах. Сила падающей воды двигала машины на фабриках Новой Англии и в центральных штатах.

И до гражданской войны американский торговый флот, который возил товары через все океаны, был только парусный.

В период от революции и до гражданской войны лес и железо, вне обрабатывающей промышленности, были самыми распространенными материалами, — время деревянных строений, деревянных судов, деревянной повозки, и наряду с этим железных дорог и железных машин.

Характерные черты этой эпохи наиболее ярко проявились во время гражданской войны, когда конфедераты выстроили военные суда, в которых деревянные остовы были обшиты железом.

Американцы всегда проявляли особую одаренность в области чисто технической.

Они первые пришли к идее выработки штандартных машин, сначала ружей, состоявших из отдельных, легко заменимых частей. Та же идея была применена к постройкам домов, причем было введено изобретенье шаровидного остова, в котором отдельные дощечки штандартных размеров могли легко заменяться.

Принципы стандартизации и применения отдельных частей, могущих быть замененными, привели Америку к массовой продукции, что в 20 столетии дало ей возможность занять руководящую роль в мировой промышленности.

Два изобретенья в 1850 году оказались весьма важными для эпохи, последовавшей за Аппоматтоксом. Первое, это очень скромная на первый взгляд машина, могущая дробить самые твердые скалы, что сделало возможным прокладыванье железных дорог, а впоследствии и современных шоссе и всех цементных сооружений.

Другое изобретение, появившееся одновременно и независимо друг от друга в Англии и в Соединенных Штатах, это способ дешевого изготовления стали. Бессемеровский процесс, как его называют, принес с собой эпоху стали, стальные рельсы, стальные локомотивы, стальные пароходы, стальные балки для построек и мостов.

Время от гражданской и до первой мировой войны является эпохой пара и стали.

Обширные запасы смолистого угля в Соединенных Штатах были главным источником двигательной силы для быстро развивающейся индустрии. Промышленная революция в период между 1865 и 1917 годами оказала весьма сильное влияние на характер американской культуры.

Маленькие фабрики, процветавшие до 1850 года, превратились в громадные механизированные предприятия, изготовлявшие оружие и военное снаряжение. Это сделало возможным победу над центральными государствами Европы в первую мировую войну.

До 1860 года Америка вывозила за границу, главным образом, сырье — лесные, земледельческие и минеральные продукты. После 1900 года Америка выступает во главе других стран уже как производительница фабричных продуктов.

Основой для промышленной революции в Америке в последней трети 19-го столетия были громадные запасы натуральных богатств.

Ни одна нация в мире не обладает такими запасами сырья, как Америка. В Европе было не меньше богатств, но они распределялись между отдельными государствами.

Соединенным Штатам, как единой нации, в результате победы Федерального правительства в гражданской войне, было возможно после 1865 года приступить к организации индустриальной промышленности на всем материке, так сказать в континентальном масштабе. Не было препятствий, создаваемых границами между отдельными государствами.

В конечном счете, побежденный Юг признал выгоду национального объединения, и это послужило причиной того, что южане сделались более чем лояльными гражданами. Время между 1865 и 1917 годом было эпохой строительства железных дорог, и за это время весь континент с востока на запад и с юга на север покрылся железнодорожной сетью. Железные дороги способствовали объединению нации в одно экономическое целое.

«Хвост вагонов,» как называли поезд, был главным способом передвижения в конце 19 столетия.

Если годы между 1865 и 1917 годом можно назвать веком пара и стали, то их можно считать также временем, когда локомотив, несущийся с грохотом по равнинам и горам Америки, был символом экономической мощи, силой, делающей возможным экономическое объединение нации.

Железные дороги после Аппоматтокса создали город-гигант.

Промышленность развивалась там, где было соединение двух-трех железнодорожных линий. Это способствовало более легкой доставке угля на фабрики и удешевляло транспорт продуктов производства.

Рабочие селились около фабрик. До 1851 года выбор места постройки фабрики в значительной мере обуславливался тем, можно ли воспользоваться при этом силой воды. Фабричные города возникали около дамб, запруживающих реки.

Железные дороги освободили фабрики от этой зависимости. С 1900 года наиболее важные американские промышленные предприятия сосредотачиваются в городах.

Ко времени Первой Мировой войны половина населения Соединенных Штатов жила уже в пригородах.

Рост новых городов был процессом в равной степени как эволюционным, так и революционным, зависящим от появления новых фабрик.

Тысячи молодых людей, женщин и мужчин, уходят с ферм, где машины уменьшили потребность в рабочих руках. В городские центры являются миллионы эмигрантов из Европы и Азии, в поисках возможностей, которых у них не было на родине.

Американцы становятся нацией, состоящей из многочисленных племен и национальностей, а новый город — плавильным тиглем, где перетрапливаются народы всего мира.

Никакая нация в современном мире не потерпела такого громадного и дружеского нашествия, как американская. Эмигранты без сомнения усложнили многие политические и социальные задачи, но они же и обогатили американскую культуру. Среди пришельцев было немало нежелательных элементов. И все же приток эмигрантов дал Америке ряд выдающихся людей в промышленности, искусстве и науке.

В американских дивизиях, мобилизованных после 1917 г.

была кровь всех наций Европы и Азии. Америка становится новой нацией.

**
*

В начале 20 столетия два явления оказали весьма сильное влияние на ход течения американской цивилизации.

Первое — это невиданные до сих пор новые изобретения в области электрической промышленности. И второе — усовершенствование машин внутреннего сгорания.

Всевозможные улучшения в электрической промышленности появились первыми, и были вызваны все возрастающей потребностью в них.

Такие громадные населенные центры, как Нью Йорк, Филадельфия и Чикаго требовали новых путей сообщения. И как следствие появились электрические городские дороги, а затем и подземная дорога.

В то же время применение электрической энергии сделало возможным под'ем тяжестей (элеваторы). Небоскребы, начинающие появляться в городах Америки побудили Александра Грахабелла к изысканиям, приведшим к повсеместному распространению телефона. В это же время гениальное изобретение Томаса Эдиссона привело к замене тусклых газовых ламп, бывших в употреблении в начале столетия, — электрическими.

Как не были важны сами по себе все эти новшества в области городских железных дорог, элеватора, телефона, электрического освещения — все это было только началом эпохи электричества.

Машина внутреннего сгорания внесла революцию в мир, и эта революция была так значительна, как революция, произведенная появлением железных дорог после Аппоматтокса.

И аэропланы, и автомобили появились перед 1914 годом. Они прошли через весьма важные преобразования после 1918 года. Америка начинает покрываться сетью асфальтовых дорог, и пользование автомобилями становится повсеместным. Новые усовершенствованные пути сообщения улучшили во много раз способы передвижения всего населения. Грузовики, автобусы и частные автомобили сделались сильными соперниками железных дорог.

Больше не было нужды для предпринимателей строить фабрики близ железнодорожных узлов.

Городское население бежит из густо населенных городов в более привольные пригородные места.

Только отдельные семьи до 1861 года бывали за пределами своего штата, и то главным образом они ездили на запад, когда приходилось устраиваться на новых местах.

Но в 20-х и 30-х годах текущего столетия американцы в своих автомобилях путешествовали по своей стране, как никогда прежде. Последствием явилось лучшее понимание между людьми севера и юга, востока и запада. Результат этот весьма реален, хотя его и нельзя представить в виде какой-нибудь таблицы.

В двадцатых года нашего столетия граждане Америки были до того поглощены автомобилем и его возможностями, что они не обратили должного внимания на прогресс авиации. Одно время коммерческая авиация в Соединенных Штатах была значительно слабее чем в Европе. Перемена произошла в 30-х годах, когда американские летчики выдвинулись при полетах через Атлантический и Тихий океаны на коммерческих транспортных аэропланах.

Усовершенствования в военной авиации, которые появились после 1 сентября 1939 года доказывают, что аэроплан окажется таким же важным в завтрашнем мире, как он важен в сегодняшней войне.

Радио, величайшее достижение электротехники, изменило мир, так же, как в свое время изменили его автомобиль и аэроплан.

Среди многих других преимуществ, которые радио внесло в социальную жизнь, одним из самых значительных является то обстоятельство, что оно уничтожило изолированность ранчо, затерянного в равнинах или маленькой хижины, расположенной высоко в горах. Воздушные волны приносят те же симфонии, те же новости, каждому, кто хочет слушать его.

Еще более важным является тот факт, что радио приносит час за часом новости со всего света. Мир так уменьшился в своих размерах, что люди в Бостоне слушают голоса из Буэнос Айреса, из Турции, из Австралии.

Современное поколение знает больше о событиях в отдаленных странах, чем любой человек сто лет назад знал о событиях в соседней деревушке.

До 1939 года радио в демократических странах давало возможность быть в курсе обсуждений и споров, ведшихся в

политических кругах и сообщало гражданам о всех пунктах, вокруг которых шла борьба, о всех начинаниях правительства.

В то же самое время в тоталитарных странах упорно и неустанно вбивали в голову слушателям партийную идеологию.

Когда после 1 сентября 1939 года злополучный рок разделил мир на две части, радио стало орудием войны, могущим повредить врагу, утешить граждан дома и объединить союзные нации.

После 1918 года химические лаборатории в Соединенных Штатах положили начало индустрии, поставившей Америку на первое место.

Граждане Америки в текущем столетии идут впереди других наций во многих областях — в цементных работах, в изготовлении новых сплавов, в приготовлении таких лекарств, о которых раньше и не мечтали, в производстве фабрикатов из элементов, извлеченных из земли и воздуха. И в Первую, и во Вторую Всемирную войну, химия помогала стране существовать собственными ресурсами.

Успехи техники изменили лицо вселенной, начиная со времени изобретения машины, дробившей камни и Бессемеровского процесса.

К этому надо еще прибавить роль, которую наука играет в современной цивилизации. Мощь 20 столетия — в его лабораториях. Научное знание, претворение в машины и материалы, помогало и демократии, и тоталитаризму. Оно способствовало освобождению людей, оно же делало их рабами.

Современная научная цивилизация так же мало защищена от разложения и гибели, как и цивилизация древнего Рима. Она может исчезнуть.

У науки есть две стороны: знание и теория, которыми владеют исследователи, и применение этого знания техниками и инженерами к конкретным материалам и машинам.

Знание и теория, «чистая наука», это основание. Если процесс чистой науки замедляется, это сказывается не только на инженере. Сказывается это и на технике цивилизации, которую он строит.

Исследователь в лаборатории должен быть свободен в искании истины, везде, куда влекут его исследования. Нет областей, куда он не может войти. Никто не может ему указывать, какого рода истину он должен искать.

Антропологи в Германии еще до 1 сентября 1939 года от-

крыли по приказу наци, что так называемая «арийская раса» является высшей. Такие «открытия» — отрицание науки.

Тогда же и по такому же приказу немецкие физики нашли, что труды великого Эйнштейна, которые легли в основу работ физиков 20 столетия, были ложны.

В такой атмосфере в Германии чистой науки нет и быть не может.

Немногие ученые прежней Германии еще живут и работают, но у них нет учеников среди молодого поколения, мозги которых обработаны по приказу наци.

Наука зиждется на нравственности. Если исследователь должен быть свободен, то он должен быть и честен. Если он не придерживается истины в своих исследованиях, то он далек от чистой науки.

Машины не могут быть построены на неверных данных. Честность есть только иное название ответственности. Чистая наука, это дар, который свободная и чувствующая свою ответственность личность преподносит миру. И для процветания науки нужно взаимное доверие между людьми. Чистая наука не может быть продуктом работы одного человека. Каждый исследователь дает сколько может науке, которая представляет из себя результат работы многих людей.

Наука не знает национальных границ. Ученые всех национальностей принимают участие в создании науки, которая в свою очередь дала машины, разрушающие современный мир.

Надо верить, что настанет время, когда ученые всех наций будут снова работать совместно, чтобы обогатить нашу жизнь.

Принципы, на которых покоится научное исследование, это принципы взаимного доверия, между людьми, воодушевленными добрыми намерениями, это те же демократические идеалы, за которые американцы борются со времен основания Республики.

Моральные устои, на которых зиждется чистая наука, могут процветать только при наличии свободы, на которой, мы верим, будет построен мир будущего.

From the publication School of the Citizen Soldier, copyright 1942 by Appleton Century Company, Inc.

Г. ДУГЛАС УАЙЛЬД.

ИДЕИ И ФАКТЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Отношение литературы к демократической культуре отличается особой непосредственностью и интимностью. Мысли и переживания обывателя входят в написанное слово с такой свежестью, разнообразием, и в таком количестве, что хотя это и снижает литературный уровень, но зато служит звеном между литературой и жизнью народа.

Литература Соединенных Штатов Америки, среди мировой литературы, кажется молодой, и тем не менее, она богата связывающими звеньями, которые она раскрывает в процессе творчества.

Возможно, что по существу американская литература является записью великого и страстного наблюдателя. Ее эволюция состоит в усвоении и приращивании к европейской мысли, настроению, литературной форме, а высказывает она себя в новой обстановке и для новой психологии.

Главными вдохновителями американской литературы были религия и политическая и экономическая свобода. Наряду с ними, стремление к счастью тоже было двигающим импульсом для философских и эстетических попыток.

От официальной прозы наших колониальных исследователей, проповедников, историков и памфлетистов, до хлестких светских поговорок Вилл Рождерса; от растерянной ностальгии нашего современника Томаса Вольфа и до ходячей аксиомы драматурга Максвилл Андерсона, что «театр, это религиозное учреждение, посвященное исключительно возвышению человеческого духа», — искания Америки продолжались. Можно утверждать, что американская культура, в той мере, в какой она пока достигнута, является выражением этих исканий.

Интересно тут отметить некоторую психологическую параллель между литературой Средне-Западной Америки и России.

Шервуд Андерсон, например, определяется, как Чехов в миниатюре. Сходство увеличивается от общей манеры этих двух людей смотреть внутрь себя, заниматься самоанализом, это их прирожденная особенность то, что Ребекка Вест, английская писательница, определяет, как страстное желание осмыслить жизнь. Это могло бы даже не затронуть широкие массы, если бы авторы эти не обладали такой интенсивностью.

Оставив на момент вопросы об импульсах и тенденциях, направленных в настоящее время на борьбу за первенство в нашей цивилизации, мы хорошо сделаем, если оглянемся назад, на происхождение «американского эксперимента», который вице-президент Воллес называет «народной революцией».

В конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого столетия наш народ был поглощен идеей водворения «нового порядка» в мире.

Из всех многочисленных политических выражений, определяющих эту идею, надпись на государственной печати Соединенных Штатов наиболее показательна. На одной стороне этой печати стоит девиз: «E Pluribus Unum», что значит «Единство состоит из множества». Тогда как на оборотной стороне значится: «Novus Ordo Seclorum», т. е. «Новый порядок веков».

Эти девизы, наряду с Декларацией Независимости, могут быть интерпретированы в их полной значительности только если мы обратим внимание, как мощно воплощенные ими понятия были представлены в литературе. Как пример приведем «Заметки об американской литературе» Чанинга, «Американский школьник» Эмерсона и предисловие Уитмана к ныне известной всему миру демократической библии «Травы и Листья».

Центральной идеей служило духовное и практическое объединение людей индивидуально-свободных. Из всех американских поэтов и пророков, Уитман наиболее чутко схватил истину, что коллективность вполне совместима с индивидуальностью.

Это основной мотив Уитмана, и если разбить его, то получится тема о равновесии: между свободой и порядком, оригинальностью и дисциплиной, самостоятельностью и подчиненностью. Это тема тем для оркестровки свободы и справедливости во всем мире.

Дать этой фундаментальной и органической идее конкретное, жизненное выражение — было и есть задание чело-

Н о в о с е л ь е

вечества. Тем не менее это возможно и выполнимо среди людей убежденных, жизнь которых проникнута достаточно глубоким, духовным напряжением.

В литературе Индии, России и Соединенных Штатов есть великие прозрения. Они согласованы с грандиозностью природы и с человечеством, жаждущим постигнуть тайну жизни, тайну, которую оно смутно чувствует, которая зарождается в нем, и соединяет его с судьбой Вселенной.

Нужно признать в американской литературе важную особенность, а именно, усилие людей понять самих себя. Благодаря своему положению, Америка неизбежно должна играть выдающуюся роль, весь мир этого от нее ожидает. Все это чрезвычайно сложно из-за огромности расовых смесей и культурных ингредиентов, которые легли в основу построения нации, из-за пресловутой нашей психологической незрелости, из-за партийности и наличия в нас чрезвычайных крайностей — экономических, географических и этических, из-за быстроты и огромного размаха индустриальной революции, из-за роста материализма и безответственности.

И тем не менее, соединение демократии с религией было настолько тесно в течение этих столетий нашего развития, что создался достаточно гуманный поход к жизни, обеспечивающий психологическую атмосферу, способствовавшую частичному равновесию между индивидуальной и коллективной жизнью, между идеализмом и практичностью, красотой и полезностью, утонченностью и силой.

Это приближение к гармонии достигает своего апогея в произведениях наших писателей, наиболее одаренных органическим и интуитивным распознаванием: Эмерсон, Торо, Гаутори, Мельвилль и Уитман. В лице этих людей, пионерская демократия Человека и Природы пустила в Америке глубочайшие корни, укрепила национальное воображение и достигла благороднейшего и широкого процветания.

Этот исполненное величия единение американского духа, частично нашевшее отклик в политической деятельности Линкольна, не было однако в состоянии удержаться из-за быстро растущих социальных и экономических осложнений. Оно было надломлено последствиями гражданской войны, появлением новых богачей, соблазном городской философии, рожденной из технического прогресса, легкой жизни, культа денег и общего приспособления вкусов к извращенному материализму.

Романтизм и оптимизм народного духа остался свежим в

первых рассказах Марка Твена, но позднейшие его произведения обратились в горькую сатиру.

Среди мыслителей, Генри Адамс в своем «Образовании Генри Адамса» напрасно гнался за формулой, которая могла бы примирить материальные и духовные силы жизни и таким образом раскинуть мост над пропастью, которую наука вырыла между человеком веры и человеком прозы.

Могучая битва, не на жизнь, а на смерть, происходила между нашей старой аграрной демократией, и новым индустриальным порядком, основанным на финансах.

Это отразилось в нашей литературе конца 19 столетия. Свежая струя реализма легла в основу «Главных Путей Сообщения» Хомлин Гарланда и «Осьминога» Франка Норриса, живописно-злой зарисовки, разрушившей многое, чем восхищались наши предшественники.

Группа талантливых журналистов и романистов смело обнаружила грязные методы больших коммерческих предприятий. Это был крестовый поход либералов, предпринятый в защиту политических и социальных реформ, что по значительности уступает разве только движению за освобождение негров, предшествовавшему гражданской войне.

Вождями этой группы были Эптон Синклер и Линкольн Стивенс. Их соединенные усилия были очень плодотворны и не потеряли своего значения по сегодня.

Два социологических философа очень высокого порядка — Генри Джордж и Эдуард Беллами — признаны здесь не только благодаря своему непосредственному влиянию на множество наших писателей, но и тому, что можно определить, как американский дух мышления. Средства, предложенные ими для изменения наших экономических недугов, затрагивают скорей внутреннюю эволюцию. Основной их тон: братство и дружеское руководство для всех, согласующийся с американской гуманной традицией.

Настоящий мировой кризис застал американскую литературу в некоторых отношениях расслабленной. У многих из современных писателей было модным извлекать выгоду из сенсации, воспевать или извинять грехи общественных подонков, принимать позу грубости и жестокости, эксплуатировать уродство, высмеивать нравственную разборчивость и утверждать интеллектуальную и моральную безответственность, словом, всячески умалять человеческую природу.

Этот интеллектуальный и моральный вандализм резко раз-

нится от идей Чанинга и Уитмана, для которых писатель был создателем идеалов. В настоящее время есть многочисленные признаки возвращения к этическим и духовным убеждениям или воскрешение их к жизни.

Наш современный театр в особенности был маяком во всеобщем мраке духовной неопределенности. Поднявшаяся волна здорового призыва к классическим литературным и политическим образцам нашей жизни обещает новое применение мудрости прошлого к задачам будущего. Будем надеяться, что из этого возникнет новое понимание целей и назначения искусства.

Пирамида со шпилем и изображением всевидящего ока — одна из наиболее замечательных эмблем на государственной печати Соединенных Штатов. Она обозначает материальное могущество, освещенное и контролируемое мудростью. Воистину величавый идеал! Идеал, который во многих ушедших цивилизациях не удержался на высоте, но который был вверен Соединенным Штатам Америки ее основателями.

Будем надеяться, что под эгидой этого символа наши американские вожди и все трудящиеся проникнутся принципами единения, соразмерности и порядка.

Будем надеяться, что мы, народ Соединенных Штатов, последуем этим принципам, и да будут они нашим обетом, договором и союзом благороднейшего сотрудничества с народами всего мира.

Перевела В. Дудко.

РОЗВЕЛЛ Г. ХЭМ.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА В АМЕРИКАНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Этот декабрьский день, когда я сижу и пишу эти строки, останется знаменательной датой в истории американского просвещения: сегодня армия и флот издали распоряжение, согласно которому колледжи на все время войны становятся военными и морскими академиями. Можно сколько угодно золотить пилюли, но людям, интересующимся вопросами образования, сразу становится ясно, в чем дело.

Колледж Свободных Искусств временно вышел из строя. В нем могут продолжать учиться лишь женщины, но и то в программе предвидятся крупные изменения.

Мы, преподаватели, прекрасно видим стоящую непосредственно перед всеми нами цель: победное окончание войны. Но некоторые из нас, пользуясь своими демократическими правами, осмеливаются спросить: являются ли Армия и Флот действительно высшими авторитетами в деле народного образования?

Пересмотр и переоценка современной американской системы просвещения имеет свои основания. К тому времени, когда война будет закончена, произойдет не мало других сдвигов, много перемен случится и в социальной, и в экономической, и в религиозной, и в политической жизни. Почему же народное образование одно должно избежать общей участи? Наше правительство говорит, что после войны все опять войдет в старую колею. Это не так уж очевидно. Если война окончится скоро, то может быть так это и случится. Но если война затянется на долгие годы, то так называемые временные мероприятия и нововведения неизбежно укоренятся. Вернуться к прежнему станет не так легко.

Временны или постоянны происходящие теперь перемены?

Надо отметить, что программы наших колледжей гораздо

шире, чем программы европейских высших учебных заведений. В Америке, мы, прежде всего, экспериментаторы, что конечно связано с неизбежными ошибками.

Наряду с громадными университетами, в которых учатся и мужчины, и женщины, где преподавание ведется по системе лекций, перед многочисленной аудиторией, существует и много небольших колледжей, для мужчин и женщин отдельно, где каждому учащемуся уделяется особое внимание и преподавание ведется по системе, в основу которой положено развитие индивидуальности.

В больших городах есть университеты, куда студенты приходят только для слушанья лекций. В провинции же имеется не мало колледжей, помещающихся в нескольких зданиях, в которых студенты живут изолированно от внешнего мира.

Есть колледжи, посвященные какой либо одной специальной отрасли науки, например, географии, есть другие, целью которых является самое разностороннее развитие каждого учащегося: моральное, физическое, интеллектуальное и социальное.

Есть колледжи, в которых центр внимания лежит не столько в изучении наук, как в развитии мускулов. Некоторые колледжи правильнее было бы назвать клубами. Перечисление различного вида колледжей можно продолжать бесконечно. Но мне хочется отметить еще лишь так называемые «прогрессивные» колледжи, где строго профессиональное ремесленное обучение идет наряду с изучением общеобразовательных предметов.

Одни колледжи существуют на средства частной благотворительности, другие субсидируются государством. В некоторых преподавание ведется свободно, в некоторых носит определенную политическую окраску. Впрочем, последнее явление встречается гораздо реже, чем о нем говорят. И в то же время нельзя замолчать того, что есть и такой род колледжей, которые по источникам средств своего существования и по царящей в них атмосфере никак не могут удостоиться названия высшего учебного заведения.

Хороших и плохих, их бесчисленное множество. И это свидетельствует о живейшей тяге американцев к образованию. Их разнообразие оказало большую услугу Америке. Разве было бы лучше иметь только один установленный

тип высшего учебного заведения и нивелированного среднего уровня?

Я не говорю уже о том, было ли лучше, если бы подбор студентов делался на основании какого либо другого критерия, чем их платежеспособность за право учения.

Следует отметить, что многие студенты получают крупные стипендии; раздаются они обычно наиболее одаренным.

Новое военное распоряжение ярко вскрывает и достоинства, и недостатки нашей системы.

Восемнадцатилетний юноша, предназначенный в офицеры, прежде всего, должен на короткое время пойти в армию или во флот. Здесь у него имеется шанс быть выбранным и отправленным в один из колледжей для получения специального образования в рамках назначенной ему специальности. В какой колледж он попадет, зависит от него очень мало. По успешном окончании короткого курса он должен будет вернуться в армию, где его и произведут в офицеры. Согласно такому плану, скоро большинство мужских колледжей опустеет. Преподавание большинства предметов должно будет быть приспособлено к новым заданиям. Преподавание некоторых наук перейдет в руки военных специалистов. Для греческого языка, английской литературы и философии останется мало места. Чтобы выжить, живопись сойдет на камуфляж.

На время войны такие предметы будут изучаться мужчинами, признанными негодными к военной службе, и женщинами, которые не найдут себе применения в общем военном усилии страны. Вместо многих различных программ будет введена одна, с небольшими видоизменениями в зависимости от спроса армии и — в известной степени — промышленности. В этом и заключается слабое место всей схемы.

Нужды промышленности, как важной части современной тотальной войны нельзя заранее в точности предвидеть и вычислить. Можно однако предположить — если война не затянется на неопределенно долгий срок — что промышленность снабжена достаточным количеством квалифицированных специалистов старого поколения, контингент которых будет пополняться оканчивающими колледжи женщинами.

В военном плане главное внимание обращено на образование профессиональное, и нет ни одного курса, который бы мог с правом быть назван культурно образовательным. И

Н о в о с е л ь е

если положение затянется, это может стать угрозой всей нашей системе мышления.

За последние пятьдесят лет наши школы свободных искусств подверглись сильным изменениям. Больше не существует программы с коротким перечнем культурно-просветительных предметов, отсылавших за приобретением необходимых технических знаний в строго-профессиональные ремесленные школы. Только в очень немногих колледжах для получения степени требуется зачет по классическим общеобразовательным предметам. В то же время, система выбора студентами изучаемых ими наук приводит к тому, что при желании колледж может дать непосредственную подготовку для практической работы.

Но лежащая в основе изучения свободных искусств теория заключается в том, что применяемый метод преподавания способствует не выработке профессиональной ловкости, которая может придти потом, а манере философского мышления на основе богатого опыта прошлого с применением к настоящему. Это скорее воспитание, чем образование в строгом смысле этого слова, хотя это воспитание и достигается изучением разных предметов.

Но главное внимание тут обращено на ум и дух, а не на глаз и руки. Многие считают необходимым и то, и другое, в военное, как и в мирное время.

Все это подлежит пересмотру и переоценке. Нет никакого сомнения, что во многом была допущена небрежность. Для Америки было бы настоящей трагедией остаться навсегда осужденной на крайности профессионализма. Но это не неизбежно, хотя имеется много американцев, хвастающихся своей национальной практичностью и которые охотно пошли бы на это.

А как я уже сказал выше, затягивающиеся временные условия легко становятся постоянными.

ЭЛЕН КЛЭЙПСЕТТЛ.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАРАДОКС

Кто то назвал его — «городишко на краю света». И таким он видимо и представлялся всем, кто до него добирался. Он расположен в небольшой речной долине, на северо-западе Америки.

Его окружают невысокие, поросшие лесом холмы, дальше тянутся поля кукурузы, фруктовые сады, попадаются молочные фермы. На сотни миль здесь не найдешь никакой исторической достопримечательности.

И все же этот городок с 25 тысячами жителей каждый год посещает около 250 тысяч приезжих из американских штатов, из канадских провинций и даже из за морей.

Этот маленький город, — Рочестер, в штате Миннезота, где помещается клиника Майо. Это знаменитый на весь мир медицинский центр, в который с'езжают люди со всех концов света, одни в надежде исцелиться, другие — изучить методы этого исцеления.

Многие спрашивают, почему клиника основана именно здесь, вдали от населенных центров. Почему здесь, а не на Атлантическом или Тихоокеанском побережье или в каком либо крупном городе как Чикаго или Сэнт Луис?

В этом то и заключается парадокс Рочестера, чисто американский парадокс. Иностранцы много раз говорили, что ничего подобного не могло произойти нигде в мире.

История эта начинается далеко в прошлом. Но мы начнем ее с того времени, когда доктор Вилль и доктор Чарли, ныне всеми чтимые «братья Майо», были еще детьми.

Их отец был деревенским врачом. Эмигрировавший в Америку англичанин, он после нескольких лет странствования основался со своей семьей в Рочестере, где тогда кончалась Западная железная дорога.

Сам Рочестер был пыльной, далекой от всякой культуры деревушкой, с какими нибудь тремя тысячами жителей, недалеко ушедших от простоты и грубости пионерских дней.

«Мы были столь же отсталыми в медицине, как рабочий

на ферме был отсталым в земледельчестве», сказал как то доктор Вилль.

Доктор Майо часто брал с собой мальчиков в свои врачебные об'езды, даже когда они были совсем маленькими. Он сажал их на стол, и они с любопытством все рассматривали и случалось хватались руками за волосы трупа.

Когда они подросли настолько, чтобы править лошаадьми, они стали возить отца во все его поездки. Ждать во дворе было долго и скучно, и часто они заходили вместе с отцом в дом и смотрели, как он исследовал больных. На обратном пути они расспрашивали его обо всем, что им случалось увидеть и услышать.

Вскоре они уже смогли помогать при приеме больных и при операциях.

Доктор Майо стал самым занятым доктором и лучшим хирургом в округе. Его хирургическая деятельность сводилась к ампутациям и наружным операциям. Внутренних органов он не оперировал. Но и никто из других местных докторов этим не занимался. Если ктонибудь решился бы на это, его немедленно окрестили бы «опасным живодером, которого надо запереть».

В те времена не применялись никакие антисептические меры и после каждой операции более или менее серьезное заражение крови было неизбежным явлением.

Кончив медицинский факультет Вилль и Чарли естественно начали практику в отцовском кабинете в Рочестере.

Прошло несколько времени, и доверие, которое больные питали к старику доктору, перенеслось и на его сыновей.

Вскоре после того, как они начали практиковать, в один жаркий августовский день на Рочестер налетело ужасное торнадо, опушившее деревню и оставившее за собой много раненых и убитых.

Немедленно же местная танцевальная зала была превращена в госпиталь скорой помощи, во главе которого встал доктор Майо.

Он обратился к католическому ордену Сестер Святого Франциска, основавшемуся также в Рочестере, с просьбой помочь ему в уходе за больными.

Полученный при этом несчастья опыт навел старшую монахиню на размышления. Она сообщила доктору Майо, что по ее мнению в Рочестере надо было бы организовать постоян-

ную больницу. Взятся ли бы он вести ее, если постройку возьмут на себя сестры ордена?

У доктора Майо были возражения. Постоянную больницу в Роучестере он считал дорогим предприятием, не имеющим особых шансов в таком маленьком городке.

С его стороны это не было робостью и нерешительностью. В те времена больницы не были предназначены для людей всех классов и всякого общественного положения, как это стало теперь. В общественном представлении это были благотворительные учреждения наряду с богадельнями и домами для сумасшедших, мрачные и непривлекательные места, куда больной шел не для того, чтобы вылечиться, а умереть, потому что ему некуда было деться.

Но мать Альфредина убедила доктора Майо в своей идее, и вскоре было приступлено к постройке здания.

В октябре 1889 года открылась больница Святой Марии, с помещением, рассчитанным на 45 пациентов, хотя постелей было всего 12.

К разочарованию основателей больницы никто из местных докторов не соглашался работать в ней. Они все были уверены, что предприятие обречено на неудачу.

Таким образом, вся ответственность упала на Майо, благодаря чему и все руководство больницей, единственной на весь округ, сосредоточилось в их руках.

Это было как раз в то время, когда в хирургии начали применять антисептику и асептику, а специально обученные сестры милосердия поставили больничный уход на исключительную высоту, что не замедлило сказаться на результатах лечения.

Начиная с этого момента, образ действий и обстоятельства, приведшие братьев Майо к славе, отличаются исключительной ясностью.

От своего отца оба брата Майо переняли работоспособность и привычку всегда расширять и углублять свои знания.

Раз в год они уезжали на месяц «проветриться», проводя его в наблюдениях в какой либо из крупных городских или университетских клиник восточных штатов, где лучшие американские хирурги пользовались при своих операциях европейской техникой и вырабатывали свои собственные методы внутренней хирургии, которая сделалась осуществимой благодаря асептике и антисептике.

Н о в о с е л ь е

Возвращаясь из этих путешествий домой, в Рочестер, молодые доктора Майо начинали применять в своей операционной новые методы, с которыми они только что ознакомились.

Возможности перед ними лежали огромные, потому что вокруг них было полно хронических болезней.

Предшествовавшая убогость медицинских познаний и практики способствовали накоплению огромного количества застарелых болезней. В каждой общине были десятки людей, годами страдавших от аппендицита, камней в печени, язв желудка и тому подобного.

Теперь хирурги, вооруженные новыми знаниями, могли исцелять эти болезни. И братья Майо, первыми начавшие применять новые хирургические методы, скоро получили репутацию врачей, могущих излечивать случаи, признанные другими врачами за безнадежные.

Слава об их исцелениях, передаваясь из уст в уста, распространялась чрезвычайно быстро. Нередко случаи эти были так невероятны, что походили на чудеса.

В одной из соседних деревень жил старик ирландец, которого односельчане показывали приезжим:

— Это Пат Глинн, — говорили они. — Доктор Вилль Майо из Рочестера вырезал у него кусок живота, а он ничего, продолжает жить.

Да, он продолжал жить. Это и было самым удивительным. Как просачивается вода в песок, так утешительная вера в целительные способности братьев Майо распространилась сначала по окрестным деревням, потом по железным дорогам и с группами двигавшихся на запад эмигрантов шла все дальше и дальше.

Все больше и больше больных обращалось к братьям Майо, из все более отдаленных мест. Все чаще и чаще другие доктора направляли к ним своих пациентов, которых сами они не могли вылечить.

За каких нибудь несколько лет братья Майо составили сотни и даже тысячи описаний новых проведенных ими операций. С такой практикой, опыт их чрезвычайно увеличился, и их хирургическая ловкость достигла исключительно высокого уровня.

Теперь доктора Майо могли наконец отдать долг своим учителям из восточных штатов. Тщательно и заботливо приготавливали они заметки и описания, по которым другие доктора

могли ознакомиться с их новыми методами. Бостонские, балтиморские, нью-йоркские и филладельфийские знаменитости прислушивались к ним с изумлением. Это превосходило все виденное или слышанное ими до сих пор. Кто были братья Майо? Что это за Рочестер?

Но услышав, что братья Майо были деревенскими врачами, практиковавшими в глуши далекой Миннесоты, они стали посмеиваться. Видимо, дело шло о каких-то чудаках или шарлатанах. Трудно было допустить, что им удалось добиться большего и лучшего, чем знаменитым хирургам восточных штатов.

Более рассудительные из них не были так уж, впрочем, в этом уверены, и отправились в Рочестер, чтобы лично ознакомиться с работой братьев Майо.

То, что они увидели, убедило их. На них не произвел никакого впечатления ни маленький городишко с немощными, без фонарей улицами, ни лишенное всякой претензии и официальнойности обращение докторов с их пациентами.

Но по мере того, как они наблюдали непрерывный поток больных, проходивших через эту скромную больницу и присутствовали при невероятном количестве операций, производимых братьями Майо ежедневно с ловкостью, подобную которой им редко приходилось встречать, по мере того, как они знакомились с лечением, следовавшим за операциями и убеждались в невероятно высоком проценте выздоровлений, энтузиазм их перешел всякие границы.

Они вернулись домой, превознося до небес братьев Майо и настойчиво рекомендуя каждому доктору съездить и ознакомиться лично с их методами. Свои наиболее трудные случаи они стали передавать братьям Майо.

Именно эти больные, направленные к ним другими докторами, сделали причиной того, что деятельность братьев Майо скоро расширилась до пределов национальных, а затем и интернациональных.

Слава о них скоро дошла до Европы, и светила французской, английской и немецкой хирургии стали ездить в Рочестер, в Миннесоту, не считая более нужным задерживаться в восточных штатах.

— «Нет такого великого человека, который не зависел бы от других». Это был очень полезный урок, который братья Майо выучили от своего отца. Памятуя это изречение, братья Майо никогда не переставали учиться, путешествуя с этой

целью в отдаленнейшие уголки света, чтобы ознакомиться с последними достижениями медицины.

Этим же принципом они руководились в привлечении новых сотрудников. Когда количество больных возросло настолько, что сами они уже были не в силах справиться с ними, они никогда не прибегали к обычно практиковавшейся системе приглашения молодых докторов, только что сошедших со школьной скамьи.

Каждый раз, как они нуждались в помощнике, они отыскивали самого лучшего специалиста, которого только можно было найти, и следили за тем, чтобы у него были те же возможности усовершенствоваться, как у них самих. Они высоко ценили независимость мысли и действий.

Их нисколько не пугала мысль, что ктонибудь из сотрудников может стать знаменитее их самих. Они искренно верили, что каждый успех, выпадающий на долю одного из членов их группы, непосредственно увеличивает славу всех других.

В результате талантливые и блестящие образованные доктора охотно шли к братьям Майо, будучи уверенными, что им придется работать с ними, но не на них.

Рочестерская группа все увеличивалась. Вместо первоначально работавших трех врачей, через несколько времени при больнице работало уже 12, потом 20, вскоре сто и еще больше.

Медицинская наука стала все больше зависеть от лабораторных исследований и диагностических инструментов. Майо и их сотрудники немедленно переняли новую технику. Сами братья Майо до конца оставались, прежде всего, хирургами, но поняв существенную пользу, которую можно было извлечь для хирургии из последних достижений науки, они приняли в свою группу нескольких ученых, специализировавшихся на лабораторных исследованиях. Со временем число этих специалистов увеличилось.

К 1912 году практика братьев Майо так разрослась, что имевшееся в их распоряжении здание оказалось недостаточным.

Доктор Вилль и доктор Чарли распорядились выстроить первую в мире медицинскую клинику, все помещение которой было целиком отведено исследованиям и постановке диагноза.

Через год уже и этого здания оказалось недостаточно. Через десять лет непрерывного расширения была, наконец, выстроена теперешняя 15 этажная клиника.

В этой гигантской коллекции лабораторий и многочисленных громадных больниц, посредственно или непосредственно выросших из первоначальной больницы Святой Марии, работает теперь около двухсот докторов, каждый из которых является выдающимся специалистом в своей области. Они представляют из себя дружный коллектив, снабженный всевозможного рода инструментами и приборами и имеющий в своем распоряжении богатый кадр прекрасно обученных ассистентов.

Превосходство системы братьев Майо и степень достигнутого в их группе сотрудничества такова, что в случае надобности, все их громадные ресурсы, человеческие и материальные, могут быть сконцентрированы на лечении отдельного больного.

Вот в кратких чертах история, как доктор Виль и доктор Чарли, начавшие свою деятельность скромными деревенскими врачами, к концу своей жизни стали хирургами с мировой известностью, все еще практикующими в «каком то городишке на краю света».

Созданная ими клиника представляет из себя оригинальный, и все еще остающимся передовым, пример медицинской практики отдельного коллектива. Преимущества этой формы организации отрицаются некоторыми. Но история показала, что это было величайшим вкладом братьев Майо в американскую медицину, и величайшим вкладом Америки в мировую науку.

ЧАРЛЬЗ ГАРОЛЬД ГРЭЙ.

ПРОГРЕССИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ ВОСПИТАНИИ

В настоящее время, когда тотальная война сотрясает самые основы западно-европейской и американской культур, становится очевидным, что научное образование, наряду со всем другим, также должно подвергнуться существенным изменениям.

Целью просвещения всегда было подготовить молодое поколение к условиям жизни окружающего общества, к пониманию создавших это общество сил и к принятию участия в постоянных и неизбежных изменениях его роста.

В так называемое «нормальное» время, воспитание в целях приспособления к существующим условиям представляется вполне достаточным, и воспитатели могут позволить себе придерживаться раз установленной рутины. Не существует никаких определенных испытаний, могущих проверить и подтвердить результаты полученного воспитания. Но когда сотрясаются основы, на которых зиждется общество, появляется нужда в гражданах, воспитание которых способствовало бы развитию гибкости мысли, умеющих не только приспособляться к знакомым условиям, но и вырабатывать новые условия новой жизни.

В то время, как в моменты кризиса потребность в системе воспитания, могущей готовить людей, как мужчин, так и женщин, к тяжелым, критическим временам, становится совершенно очевидной, почему то раньше, когда беде еще можно было помочь, мысль о такой системе воспитания не приходила в голову.

Американская система воспитания переживает сейчас настоящий кризис. Однако, надежда на спасение лежит в ее способности не забывать о нем, как только он окончится, и в более мирные и спокойные времена помнить о нуждах эволюционирующего общества.

Американские Соединенные Штаты стояли перед общими проблемами воспитания с самого начала своей истории так же, как Советский Союз стоял перед ними в начале своей истории.

Первая задача состоит в подготовке умов, рук и воли к принятию участия в аппарате общественной жизни и защите его. Каждый человек должен иметь элементарную ловкость, необходимую для него как для гражданина и рабочего.

В нашей стране мы ушли далеко вперед в деле изменения системы воспитания, первоначально предназначенной только для небольшой части населения, в систему, захватывающую широкие народные массы.

Мы с восхищением наблюдали аналогичные достижения, сделанные в смысле воспитания масс в Советском Союзе.

Мы движемся вперед по тем же путям, к тем же целям.

Вторая и более сложная проблема состоит в том, чтобы выделить наиболее одаренных, наиболее подходящих для роли руководителей и подготовить их к специальным заданиям, способствующим развитию всей страны и всего мира.

Отбор людей, предназначенных для дальнейшего более специального обучения, представляет из себя политическую и экономическую проблему.

Что в нашей стране нам не удалось еще разрешить ее, свидетельствует затруднительность здесь даже для выдающихся студентов продолжать свое образование, если у них нет для этого средств. До сих пор отбор слишком часто производится на базе материального благополучия, в пользу более привилегированных.

Тем не менее были приложены большие усилия, чтобы предоставить больше возможностей и людям, не имеющим никаких средств.

В связи с военными нуждами, в настоящее время в Соединенных Штатах усиленно занялись выработкой планов, в основе которых положен отбор исключительно по принципу одаренности. Результаты подобной системы воспитания должны были бы неизбежно сказаться уже после окончания войны.

Даже когда отбор основывается на правильном принципе, вопрос о роде обучения, которое должны давать наши учебные заведения, все еще остается открытым.

Мы добились известных успехов в приспособлении наших методов воспитания к требованиям современной жизни. Но

надо добиться большего. Одним из движений в этом направлении является так называемое «прогрессивное воспитание».

Основной целью «прогрессивного воспитания» служит создание условий более благоприятных для подготовки жизни в современном мире. Изучавшиеся раньше предметы и приобретенные навыки, принятые за основные качества «образованного» человека, не стоит изгонять только за то, что они вошли в традицию. Но учитель должен быть свободен в выборе предметов, более соответствующих интересам дня.

Многое из старого еще не потеряло своего значения и нуждается только в очистке от несущественного и чисто-традиционного. Но и в «прогрессивном воспитании» мы не всегда можем избежать риска вместе с бесполезным выбросить и важное.

Следующая цель «прогрессивного воспитания», это развитие ловкости и привычек путем скорее практики, чем простым сообщением сведений. При этом подразумевается, что главное внимание обращается на более важное обучение методам мышления и на выработку социальных, моральных, философских и религиозных основ.

Работа учащихся должна быть осмысленной. Без понимания даже обладание энциклопедическими знаниями не принесит особой пользы ни человеку, ни обществу.

Дальнейшая цель, это приспособить учение к наиболее современным психологическим гипотезам, касающимся процесса заучиванья. В известном смысле, учащиеся должны изучать только то, к чему у них есть желание. Именно посредством сосредотачивания внимания на значении и смысле предмета учащиеся начинают понимать, почему он должен изучать его, в результате чего и создается желание знания. При следовании этому принципу важно не поддаваться без всякой критики незрелым и подчас неразумным требованиям учащихся, но относиться к ним без раздражения, стараясь вызвать другие, более правильные требования.

Не менее важно подчеркивание индивидуальных особенностей и интересов. Мы должны защищать и развивать имеющиеся в зародыше качества, которые принесут со временем свои плоды.

Наша философия предполагает, что государственное благо требует развития индивидуальных особенностей каждого отдельного гражданина. Эти индивидуальные особенности

представляют значение не только для личности обладающей ими, но и для всего общества. Это выявляется, однако, только в том случае, если воспитание вырабатывает в каждом индивидууме не только желание саморазвития, но и одинаково сильное желание направить свои силы на достижение высших ценностей.

A R C A

AMERICAN RUSSIAN CULTURAL ASSOCIATION, Inc.

The American Russian Cultural Association is the result of a realization of the pressing need of the people in America and Russia for a new understanding to light the way into a fast approaching common future.

Russia's heroic army has electrified the whole world by its steadfastness, courage and resourcefulness. The bulwark of that heroic army is in the Russian people—the same people who, from their centuries-old culture, have given to the world great writers such as Tolstoy, Dostoyevsky, Chekhov; great composers—Tschaikowsky, Moussorgsky, Scriabine; and great scientists—Mechnikoff, Sechenov, Pavlov. This Russian culture continues to live and grow, and is undoubtedly destined with increasing influence to merge with that of America.

Foreseeing the future cultural role, as well as the historic and social-economic role, of Russia, we should consider the urgent necessity of sustaining and strengthening the cultural link between Russia and the United States—two great nations which have never been in conflict, and whose relations over the past century and a half have been imbued, always, with mutual respect and sympathy.

The American Russian Cultural Association is strictly non-partisan, non-political, and unprejudiced as to race and creed. Its aims are as follows:

To foster the friendly relationship between the two nations, America and Russia, and to promote a cultural interchange between them.

To establish reciprocal information centers for appropriate circulation of knowledge and material concerning progress and achievement in the arts, literature, philosophy, and science.

To inaugurate correspondence between the cultural organizations of the two countries, and to facilitate the

cooperation of their educational, scientific, and art institutions.

To organize study, forum and discussion groups, and to cooperate in current activities of cultural bodies in both countries.

To provide courses of study in the Russian language.

To arrange public events, such as lectures, concerts, exhibitions, conferences, radio programs, motion pictures, directed toward mutual understanding and closer cultural association between Russia and America.

OFFICERS and BOARD of DIRECTORS

Dudley Fosdick
President

Ingeborg Fritschi
Secretary-Treasurer

Katherine S. Campbell
Sina Fosdick
Dr. E. Markoff
Sophie Pregel
Mark Slonim
Joseph J. Weed

BOARD of HONORARY ADVISORS

Prof. Nicholas Roerich
Honorary President

Mrs. Samuel L. M. Barlow
Norman Bel Geddes
Erskine Caldwell
Charles Chaplin
Ernest Hemingway
Prof. Roman Jacobson
Rockwell Kent
Dr. Serge Koussevitzky
Mrs. John Henry Hammond
Maria Kurenko
Dr. G. H. Paelian
Gregor Piatigorsky

Н о в о с е л ь е

Prof. Paul Radosavljevich
Robert L. Redfield
Quentin Reynolds
Dr. Edwin O. Smith
Deems Taylor
Valery J. Tereshtenko
Dudley Crafts Watson

The American Russian Cultural Association is a non-profit organization incorporated under the laws of the State of New York, functioning through its Board of Directors and various committees and supported by memberships and contributions. The Association is tax-exempt.

Annual Membership	\$ 2.00
Organization Membership	5.00
Sustaining Membership	10.00
Life Membership	100.00

Corresponding Secretaries

Mary Coryn

Bronia Drutt

**AMERICAN RUSSIAN CULTURAL
ASSOCIATION, Inc.
Carnegie Hall, New York—Circle 5-5377**

FOR VICTORY **BUY**
UNITED STATES
WAR SAVINGS BOND AND STAMPS

НАШИ СОТРУДНИКИ

- Марджори Киннан Роулингс.** — Автор книг «Yearling» и «Cross Creek», пользующихся в настоящее время большим успехом в Соединенных Штатах.
- Эдгар Ли Мастерс.** — Один из виднейших поэтов Америки, автор «Spoon River».
- Дороти Кэнфильд Фишер.** — Выдающаяся американская писательница. Большинство ее романов посвящено проблемам американской семьи. Автор «Bonfire», «Seasoned Timber» и др.
- Генри Л. Менкен.** — Крупнейший современный литературный критик, воспитавший целое поколение молодых писателей.
- Рут Меккенни.** — Автор книги юмористических рассказов и пьесы «Моя сестра Айлин», с большим успехом третий год идущей на Бродвее.
- Эптон Синклер.** — Писатель и борец за социальные реформы. Автор «Джунглей», «Короля Угля» и других нашумевших романов, очень популярных в России.
- Альфред Крэймборг.** — Известный современный американский поэт.
- Артур Комптон.** — Знаменитый физик. Нобелевский лауреат.
- Чарльз А. Бэрд.** — Блестящий историк, автор многих книг об американской цивилизации.
- Роквелл Кент.** — Один из наиболее оригинальных американских художников, прославившийся своей серией картин об Аляске.
- Леопольд Стоковский.** — Один из лучших дирижеров Америки, стоящий во главе Филадельфийского симфонического оркестра.
- Г. А. Оверстрит.** — Выдающийся философ, психолог и социолог.
- Ральф А. Габриэль.** — Профессор истории в Иельском университете. Автор крупных научных трудов.
- Г. Дуглас Уайльд.** — Профессор английской литературы в Ротгерс Колледже в Нью Брунсвике.
- Розвелл Г. Хэм.** — Директор прогрессивного Маунт Холиоук Колледж.
- Эллен Клэйпсеттл.** — Ред. «Minnesota University Press» и автор талантливой книги «Доктора Майо».
- Чарльз Гарольд Грэй.** — Декан Бард Колледжа.

'NOVOSELYE'
A RUSSIAN LITERARY MONTHLY

Editorial & Administrative Offices:

S. PREGEL - BREYNER,

2 EAST 86 STREET, N. Y. C.

RHinelander 4-1800

„ Н О В О С Е Л Ь Е “
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

В виду роста цен, контора журнала «Новоселье» вынуждена, начиная с 15 сентября, несколько повысить подписную плату и стоимость журнала в розничной продаже.

Подписная плата:

В Соединенных Штатах: на один год — \$3.50, на шесть месяцев — \$2.00; в Канаде: на один год — \$4.50, на шесть месяцев — \$2.50.

Цена номера в розничной продаже —
35 центов.

Подписка и объявления принимаются в конторе журнала. Рукописи, посылаемые в редакцию, должны быть переписаны на машинке на одной стороне листа. Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции и конторы:

S. PREGEL-BREYNER, 2 EAST 86th STREET, NEW YORK CITY

Tel.: RHinelander 4-1800

ЦЕНА НОМЕРА
50 ЦЕНТОВ
